

ВЛАДИМИР ПОСЕЛЯГИН

ОТРОК

Наши там (Центрполиграф)

Владимир Поселягин

Отрок

«Центрполиграф»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Поселягин В. Г.

Отрок / В. Г. Поселягин — «Центрполиграф», 2017 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-07235-1

Неспокойно в бушующем море миров. Снова попадание – и снова новый мир. 1903 год, до Русско-японской войны остаётся очень мало времени, а пропустить такое «веселье» Макс просто не может. Значит, снова всё бегом, снова всё второпях. Главное – успеть, и он успеет...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-07235-1

© Поселягин В. Г., 2017
© Центрполиграф, 2017

Владимир Поселягин

Отрок

Серия «Наши там» выпускается с 2010 года

© Поселягин В. Г., 2017

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2017

© «Центрполиграф», 2017

* * *

«...Новый взрыв у борта, и матросы стали падать под градом осколков, обливаясь кровью. Некоторые упорно вставали, отмахиваясь от двух так же израненных санитаров, которые пытались наложить им повязки, и замолчавшая кормовая пушка снова заработала, посылая снаряд за снарядом в сторону группы японских миноносцев, уже час упорно гнавшихся за русским миноносцем. Хотя каким русским? Борта украшали иероглифы, на флагиштоке трепыхался флаг Страны восходящего солнца. Трофейный корабль выдавал всё, что можно, из своих механизмов, так что заклёпанные котлы готовы были вот-вот взорваться, но японские миноносцы медленно, но всё же нагоняли. У нас был трёхтрубный миноносец английской постройки, хотя британцы уже начали выпускать этот тип боевых кораблей с паровыми турбинами, но давать их японцам и не думали, да и мало их было, к сожалению. Так что особо скоростью порадовать нас этот достаточно тяжёлый миноносец не мог. Поэтому более лёгкие его собратья, двухтрубные, да ещё немецкой постройки, уверенно сокращали между нами расстояние.

— Нет попаданий! — сквозь грохот боя крикнул стоявший рядом мичман, опуская старый, древнего вида бинокль с медными ободками у окуляров.

У меня, в отличие от морского офицера, была длинная, но мощная подозрная труба, позволявшая мне, широко расставив ноги, так как была заметная бортовая качка, рассматривать отряд преследователей.

— Нет, попадания есть, хотя наши артиллеристы, конечно, аховые. Денискина, единственного нашего морского канонира, давно уже ранило, вниз его отнесли, но и те, кто его заменил, стрелять умеют... Вот попадать — да, не умеют, больше на азарте работают. Всё же, несмотря на то что в нас попали четыре раза, мы тоже отвесили подарочки. В тот мелкий миноносец с одной трубой попали, он с полчаса назад отвалил, густо дымя, кажется, трубу у него сбили. И было попадание в того «немца», рыскает на курсе. Значит, что-то ему повредили. Может, ещё попадания были, не скажу, не заметил. Хотя вон у того миноносца, что пытается с левого фланга нас обогнать, явные повреждения, леера погнуты, мусор на палубе... Да, было попадание.

С щелчком сложив подозрную трубу, я перегнулся через леера командного мостика и крикнул боцману, который с пятком моряков возился с носовым орудием, пытаясь вернуть его в строй:

— Афанасьев, убери людей с кормы, тут почти все раненые. Я понимаю, что на радостях они готовы ещё японские корабли потопить, но они мне живые нужны. Займись перевязками, спусти их в нижние отсеки.

— Хорошо, ваше благородие.

— Ох, Афанасьев. Точно плетей получишь. Какое я тебе «благородие»? Выполняй приказ.

— Есть.

– Ещё пятерых пошли в машинное отделение, пусть кочегаров заменяют, а то последняя смена, похоже, выдыхается.

– Будет сделано.

Пока боцман выполнял приказ, даже смог подобрать новый расчёт для кормовой пушки, трёх человек, я повернулся к мичману. Водяные столбы часто вставляли то тут, то там, мы на них особо и не обращали внимания, мажут япошки, но вдруг рядом с левым бортом встал очередной водяной столб. Рулевой начал оседать, из его распоротого осколком горла стала хлестать кровь, но штурвала он не выпускал. Только когда мичман перехватил управление, отпустил его и завалился на палубу рубки. Всё это я наблюдал, перевязывая куском разорванной рубахи свою ногу, чуть выше колена, куда впился осколок, который я выдрал, ухватив окровавленными пальцами. Бинты у нас ещё с пол часа назад закончились. Хм, похоже, единственный, кто ещё не получил ранение, – это наш мичман, на нём действительно не было ни царапинки.

Санитар вытащил убитого рулевого, а я стал руководить стоявшим у штурвала мичманом:

– Штурвал на левый борт... Теперь на правый... Опять пристрелялись сволочи, нужно сбивать им прицел.

Миноносец рыскнул с курса, действительно уходя из прицелов японских наводчиков, такое было не в первый раз. Уйти ушли, но скорость заметно упала, и, стуча машинами, наш миноносец снова стал разгоняться. В общем, таким манёвром уходя из-под обстрела, мы снова заметно приблизились к японскому отряду преследователей.

Рядом с левым бортом поднялся очередной водяной столб, отчего упали два матроса. Один, подволакивая ногу и оставляя кровавый след на мокрой палубе, пополз к люку, ведущему во внутренние отсеки. Но его быстро подхватили на руки. А вот второму, похоже, не повезло. Санитар, осмотрев матроса, оттащил его в сторону и накрыл курткой. Я только вздохнул, это была не первая смерть в рейде, а он пока не закончился.

– Дымы прямо по курсу! – вдруг раздался вопль.

Поморщившись от боли в ноге, рана начала давать о себе знать, я немедленно развернул трубу и посмотрел в сторону замеченных дымов, мысленно себя ругая. Мы до того увлеклись, убегая от разозлённых японцев, которые были в бешенстве, что мы, прикрываясь их флагом, на их же миноносце умудрились войти в строй броненосцев, атаковать флагман и, что странно, двумя минами потопить его. Британские боевые корабли «славились» своей неустойчивостью и слабой плавучестью при даже лёгких повреждениях, а наши мины попали в самые удачные места. Действительно, удачные, с учётом того, что целились на глазок. «Микаса», правда, если и затонула, то мы этого не видели, а вот киль, который медленно погружался в пучину, рассмотрели хорошо.

Выругавшись, я посмотрел на преследователей и приказал:

– Курс не меняем.

– Японцы?

Японцы. Два мелких миноносца, вроде того, у которого мы трубу сбили. Будем прорываться. Если сойдём с курса, мы настолько приблизимся к преследователям, что их наводчики будут расстреливать нас, как в тире... Ен! – крикнул я своему слуге на японском, не собираясь даже в такие мгновения отказывать себе в языковой практике нового для меня языка. – Сними эту тряпку с мачты. Повесь наш флаг. Военно-морской. Прорвёмся – не прорвёмся, как карта ляжет, но дальше сражаться будем под своим флагом.

– Прорвёмся? – с надеждой спросил мичман. – До наступления темноты полчаса осталось.

Посмотрев на него, я медленно покачал головой, после чего указал в сторону дымов. Матросы пока не видели, но за дымами двух небольших миноносцев пряталась шедшая на пол-

ном ходу «собачка», а до встречи на пересечении наших курсов оставалось минут двадцать. Нет, не уйти, раньше расстреляют, поэтому у нас был только один шанс: прорваться через строй шедших навстречу боевых кораблей. В левом торпедном аппарате осталась последняя мина, успели перезарядить, по правому борту аппарат был уничтожен одним из взрывов. Шанс поразить лёгкий крейсер мизерный, но не использовать его я просто не мог. Опасно держать мину в торпедном аппарате, любой мелкий осколок – и подрыв, но я почему-то тянул её выпускать, несмотря на обстрел, может, ожидал эту группу?

– Кто бы это мог быть?

– Одна из «собачек», – пожал я плечами. – Или «Иосино», или «Такасаго». Они где-то в этих водах действуют, патрулируют подходы к Порт-Артуру.

– Так мы же, наоборот, уходим от Порт-Артура?

– Вот и я удивлён, встретив их здесь... Хм, похоже, это вообще «Касаги», вон скоро-стрелки на левому борту без щитов, как пленные и описывали... – Наклонившись к переговорной трубе и вызвав старшего механика машинного отделения, велел: – Степаныч, сейчас всё зависит от тебя. Дай максимальный ход. Нам нужно десять минут, каких-то десять минут...»

Содрогнувшись всем телом, я открыл глаза, вслушиваясь в тишину больницы. Хотя какую тишину? Я как раз и очнулся от звона упавшего на пол тазика. Ох и грохнуло, вон в соседней палате кто-то громко и отчётливо выматерился на безрукого санитаря. В небольшой каморке, называемой отдельной одноместной палатой, я лежал один. Да в неё, как ни вертись, вторую койку не втиснешь, но мне это было на руку. Я по жизни был одиночкой, совместное проживание с другими воспитанниками детдомов проходил, спасибо, больше не надо, поэтому последнее время старался жить один, мне так комфортнее. Если только особь женского пола под боком, но таких акций пока хотелось разовых, а не на постоянку.

Вытерев потное лицо (вон, даже в пот бросило), я с некоторым облегчением вздохнул. Вот это сон... Всё, как по-настоящему: и брызги ледяной солёной воды, и мокрая одежда, и ноющая рана на ноге, фантомная боль переметнулась даже из сна в реальный мир, хотя медленно и проходила. Я помнил всё: и нашу полубезумную атаку японского флагмана, и отход, даже имена половины команды. Не припомню, чтобы раньше во снах у меня до такого доходило.

– Чёрт, что вчера-то было? – поморщившись и потирая заживающую рану на левой ноге, задумчиво пробормотал я, пытаясь вспомнить, до чего довели мои тренировки.

В больнице я шестой день, как меня нашли. Раны заживали быстро, никаких воспалений, так что на пятый день незаметно для медперсонала я стал делать небольшие зарядки. Но под вечер меня застал главврач, единственный врач нашей больницы, вот от неожиданности я и дёрнулся, ударился раненой ногой о койку, и в глазах потемнело. Больше ничего не помню. Надо будет уточнить у санитаря, который меня обихаживал, что потом было. Честно говоря, врач, Валерий Никифорович, вызывал у меня большие сомнения своими профессиональными качествами. Больница, ближайшая от того места, где меня нашли, была крохотной, на сорок лежащих – двадцать мужчин, двадцать женщин. Врач, что меня лечил, сделал всё правильно. Осмотрел раны и даже почистил одну, перевязал и отправил сюда, а здесь меня уже принял местный врач, Земсков. Эта больница была построена на деньги одной, правда, уже преставившейся купчихи и сейчас находилась на городском попечении, в ней содержались на излечении больные небогатых сословий, крестьяне и нищие, то есть у кого денег не было. Существовала она больше на благотворительность. Несмотря на местный «люкс», куда меня сунули, меня всё тут доставало. Как слабой врачебной квалификацией Земскова, так и работой всего медперсонала, вот я и решил свалить побыстрее, занявшись тренировками, преодолевая слабость. Единственная конечность, которая не пострадала, – это левая рука. Для меня не проблема, я развивал одинаково обе конечности, так что стал тренироваться с ней, поднимая на вытянутой

руке ночной горшок. Пустой, естественно. На пятый день попытался и ноги разработать. Вставать-то я начал на четвёртый день, раны у меня не такие серьёзные, чтобы пластом лежать. А тут вон как получилось. И чего это Земсков так рано припёрся?

О моём внедрении в местную среду стоит рассказать отдельно, хотя, на мой взгляд, оно прошло обыденно, как-то незаметно. Ну доставили меня в больницу, три дня на койке я приходил в себя, особых расспросов не было, но на третий день пришёл жандарм, причём офицер. Именно жандарм, а не полицейский. Видимо, Земсков дал добро, разговор, мол, я выдержу, ну вот и попёрли посетители. Не сказать, что я рад был, но пришлось брать себя в руки и играть. Артистом я так себе был, но вроде прошло.

Первым, как я уже говорил, был жандарм, видимо, из-за того, что я назвался иностранным подданным, а я всё же якобы был из Франции, именно он и вёл первичный опрос. Причём на разных языках, полиглот хренов. Судя по его виду, моя наспех сбита утка прошла. Я, Максим Евгеньевич Ларин, из Франции, проживаю в предместье Парижа, у меня там остался небольшой домик, поместье родителей я уж продал, все деньги на счетах. Приехал на родину предков, посмотреть и изучить местный быт. Был ограблен собственными слугами, те пытались меня утопить, да не получилось. Спасли добрые люди, а те негодяи убежали. Дав словесный портрет всем трём слугам, я подтвердил, что попытка дать мне опекуна была, но я сбежал в Россию. Жандарм долго выпытывал у меня подробности о родителях, как жил, как воспитывался, есть ли родственники, покивал, узнав, что я круглый сирота. В общем, эти три часа я еле выдержал, под конец заявив, что устал. Жандарм ушёл и больше не возвращался, и я понял, что он получил всё, что хотел, и повторной встречи не требовалось. Кстати, я у него поинтересовался по поводу восстановления документов, он ответил, что это нужно обращаться во Французское консульство в Москве. Ну и уточнил насчёт принятия подданства Российской империи. Тут тоже получил нужные ответы, особо их жандарм не зажимал.

Потом меня навещали те парни, что спасли, вытащив из озера. Я их искренне поблагодарил, хотя и пребывал в недоумении о причинах их прихода, дворяне всё же. Может, дань традиции?

Третьим посетителем был корреспондент местной прессы. Я ему в жутких ярких подробностях описал злодеяние моих слуг, ну и приключения на пути в Россию, и тот, окрылённый, загруженный неплохим материалом, умчался к себе в редакцию. Правда, заметка с моей историей будет только через неделю.

В принципе, на этом всё. Проходил я лечение в некотором вакууме. Частыми лицами в моей палате были двое – санитар Пантелеймон, он в основном меня и обихаживал, и гораздо реже приходил Земсков. Бывал раз в сутки во время обхода после полудня. Причём повязки менял именно он, а не медсёстры. Да и вообще сестёр милосердия в больнице было всего три, но я видел только одну, она всегда сопровождала Земскова и подавала ему, что нужно, будь то бинт, инструмент или мазь. Об остальных слышал от санитаря, который вообще был ходячей энциклопедией. Пользуясь своей легендой иностранца, я выпытывал у него всё, что приходило мне в голову, даже всякую глупость, о которой знают все местные жители. Кроме меня, конечно. Теперь и я знал.

Так и шло моё лечение. Я восстанавливался, да и сам видел, что раны подживали. Если бы не одно но. Этот местный коновал Земсков отрывал бинты от просохших ран по живому. Естественно, я кусал подушку, пока он занимался перевязкой, мысленно его костеря, ну и кровянили раны снова и снова. Почему врач не мог увлажнить повязки, перед тем как их снимать? Оказалось, не мог, мол, не учили его этому, а он строго следовал тому, что знал. К новому не стремился. Так что на второй день подобных экзекуций я стал сам увлажнять повязки. Дальнейшее показало, что правильно делал, во время второй перевязки крови не было, заживали раны. Врач, конечно, ругался, но и сам видел результаты. Хотя какой он врач? Двадцать пять

лет, всего год как самостоятельно практикует здесь, никакого опыта. Валить отсюда надо, и как можно быстрее.

Я как раз осторожно принял сидячую позу, скрипнув койкой, когда дверь бесшумно отворилась – петли были хорошо смазаны, – и в палату протиснулся Пантелеймон с тазиком, полным воды. А-а-а, так сегодня помывка.

– Пантелеймон Васильевич, так это вы там шумели в коридоре?

– Не-е, то Никифор был.

В мужском отделении было два санитар, два друга, Никифор и Пантелеймон. Все палаты по левой стороне были Никифора, он их обслуживал, а правая сторона – Пантелеймона. Вот тут-то и вылезла проблема. Моя палата не относилась ни к той, ни к другой стороне, по коридору дверь в неё была прямо. Как мне чуть позже описывал Пантелеймон, когда они два года назад после открытия больницы пришли сюда работать, то долго ругались, кто будет мой «люкс» обихаживать. До драки дело доходило, лишнюю мороку брать на себя никто не хотел, а за дополнительную палату доплаты не было. Выход нашёл врач, который здесь начинал. Он предложил поочерёдное обслуживание. Как туда кладут следующего больного, чья очередь, тот и обслуживал. С моим попаданием очередь на эту палату была как раз за Пантелеймоном, вот тот и занимался мной. Мыл меня, да и палату тоже. Каждый день влажная уборка. В других палатах он ещё и брил больных и даже постригал, мне пока этого не требовалось. За разную мелочь тот выполнял мелкие поручения больных. К сожалению, у меня мелочи не было, а единственные ценные вещи хранились под подушкой. Наручные часы, которые я каждый день подводил, и тот памятный перстень, трофей из Англии прошлого мира. Местные деньги мне были нужны до зарезу, чтобы заказать через Пантелеймона хоть ту же одежду, которой у меня не было, кроме больничной.

– Что, помывка уже? – поинтересовался я и потрогал плотный бинт на правой руке.

Я осторожно стал через голову стягивать с себя больничную пижаму. Это я так её называл, а на самом деле – натуральное платье, снимается через широкий ворот.

– А то как же! Омовение раз в три дня или по особому распоряжению Валерия Никифоровича.

Подскочивший санитар помог мне, аккуратно сложил пижаму на край кровати, после чего поднёс табуретку, на которой стоял тазик, ко мне ближе. Терпеливо пережидая, как он чистой холщовой тряпицей стал меня протирать, я поинтересовался событиями вчерашнего дня. Судя по положению солнца за окном, сейчас было раннее утро, а вырубил меня вчера ближе к полудню.

– Так Валерий Никифорович как увидел, что вы упали, сразу меня вызвал. Мы вас на кровать-то положили, после этого Валерий Никифорович вдунул вам в нос лекарство. Очень хорошее.

– Не кокаин, случайно? – слабым голосом спросил я, прозревая.

– Оно самое, – кивнул Пантелеймон, протирая мою правую ногу, и вздрогнул, когда я ударил крепко сжатым кулаком по кровати.

– А я-то думаю, откуда у меня такие сны? А это глюки. Ну коновал хренов, встану на ноги, тебе этот кокс во все щели забью.

То, что в больнице лечат наркотой, я был в курсе. Земсков предлагал мне уменьшить боли кокаином, когда отдираал бинты. Я тогда в ужасе отказался. Более того, прояснил, что это такое, твёрдо сказав, что такими методами лечиться не намерен. Земсков отстал, а тут, пользуясь моей слабостью и бессознательным состоянием, решил меня на наркоту посадить? Ну тварь, урою. Это ему мои часы покоя не дают, как увидел, так и загорелся, а у наркомана решил выменять на очередную дозу. Всё, не жить тебе. Я и так был твёрдо уверен, что Земсков самый хреновый врач Москвы, а сейчас убедился, что он ещё ниже пал.

С трудом дождавшись, когда санитар закончит и поможет мне надеть свежую пижаму, я стал готовиться к побегу. Ходил я хоть и сильно прихрамывая, но вполне нормально. Вот и сейчас, экономя силы, погулял по больнице, это был мой второй выход. Пообщался с другими больными. Да, тут действительно были простые горожане и несколько крестьян, то есть по сословию в самом низком ранге, нищета. И не только присматривал пути побега, который можно было совершить легко, не в тюрьме чай, но и одежду, не в пижаме же мне бежать.

После того как меня осмотрел Земсков – повязки не меняли, решив, что пока нормально, терпит, кровотечений не было, – я стал собираться. Постепенно шум дня в больнице стихал, наступил вечер, горели лучины. Я, надев на запястье часы и на палец перстень, прокрался к выходу. На крыльце курили двое больных, но я не обратил на них внимания и прошествовал в сторону местного «скворечника», то бишь сортира. Обойдя его и скрывшись за кустами сирени, стал красться к отдельно стоявшему одноэтажному домику, где жил Земсков. Врача дома не было, как я понял из услышанного разговора Никифора и одного из больных, он укатил на какой-то светский раут, то есть на вечеринку, и, похоже, до поздней ночи его не будет, если вообще не до утра. Земсков был холостым и позволял себе водить женщин. Правда, в больницу, в свой дом не водил, репутацию берёг, но ночами пропадал. С моего попадания в больницу это уже третий случай, когда он уезжал.

Из-за того, что у меня не было денег, а соответственно, и одежды – рваньё больных меня не заинтересовало, да и размеров подходящих не было, – я и решил позаимствовать всё, что мне нужно, у Земскова. Тем более мы были одного роста, правда, тот был пухлым, что твой колобок. Ничего, как-нибудь освоимся. Оставлять такой след, конечно, не хотелось, так что посмотрим по ситуации.

– Не доверяет, – криво усмехнувшись, едва слышно пробормотал я, когда нащупал на входной двери достаточно большой замок.

В принципе, я это предвидел и запасся куском жёсткой проволоки. Ею я замок и открыл. Шмыгнул внутрь и стал осматривать все помещения в доме. Особенно тщательно обыскал спальню. Хотя действовал и в полной темноте, луна была за тучами, но тайничок нашёл. Причём не пустой. В нём мной, кроме толстой пачки денег, были обнаружены пистолет без кобуры, на ощупь я определил «Браунинг-1903», с полным семизарядным магазином и три запасных магазина, снаряжённых, а также несколько бумажных пачек с патронами. Идиот, разве можно долго держать снаряжёнными магазины? Так пружины ослабнут. Ничего, теперь оружие попало в опытные руки, разберёмся. Я как взял пистолет, так и не захотел его отпускать. Моё.

Кроме денег, трёх луковиц-часов, были ещё какие-то бумаги, толстая стопка. Не сразу я заметил, что в неё была вложена тоненькая книжица. Что это такое, непонятно, не вижу, темно.

Чуть в стороне от тайника я нащупал небольшой саквояж Земскова, не пустой, он с ним на выезды ездил. Я аккуратно его освободил, оставив только перевязочные средства и скальпель, и убрал в него свои трофеи. Потом, открыв шкаф, стал осматривать одежду врача. Чёрт, попробуй в темноте подбери нормальную одежду, чтобы хоть немного была по размеру. По крайней мере, штаны подобрал, ремень тоже, хороший такой. Бросил в саквояж пару свежих сорочек. Вот сапоги мне не подошли, врач имел на удивление небольшой размер ноги. Хватит на этом.

Забравшись в чулан, я зажёл керосиновую лампу и стал изучать приобретения. По прикидке, в денежной пачке было около двадцати тысяч рублей. Купюры новые. Сумма вызвала у меня недоумение: откуда у простого и, что уж говорить, бедного врача такие деньги, тем более он даже не дворянин? Но стопка бумаг и книжица в ней всё прояснили. Листы оказались революционной нелегальной газетой «Искра». А книжица – методичка РСДРП.

– Так врач революционер? – хмыкнул я. – Этого мне не надо.

Осмотрел часы. Одни золотые и двое серебряных. На крышке одних, серебряных, была дарственная надпись на имя Земскова. Как интересно. Выдернув из пачки тысячи две рублей,

я завернул их вместе с часами в газету, после чего, разлив в чулане керосин, вышел наружу и разбил лампу. Почти сразу внутри загудело пламя, но я уже закрыл дверь и быстро выскользнул из дома. Нужно уничтожить следы своего здесь пребывания и подставить врача. Революционеров я, честно говоря, не переваривал.

Я раскидал вокруг дома несколько листов «Искры» и шмыгнул к зданию больницы. На крыльце было пусто, курильщики вернулись к себе. Так что мне ничего не стоило незаметно проникнуть в рабочий кабинет Земскова, оставить закладку и вернуться в палату. Да, поначалу я не собирался возвращаться, думал позаимствовать у врача одежду и затеряться в Москве, но с последней находкой дело приобрело новый оборот, бежать мне сейчас нельзя ни в коем случае, это только вызовет подозрения. Нет, уйду при всём честном народе, чтобы все видели: я выписался, а не сбежал.

Я забрался под одеяло и унял сбившееся дыхание. Вроде и побегал немного, а всё равно сердце стучит как бешеное. Неделю на койке провёл, всего несколько ранений – и я уже потерял форму. Обидно. Кстати, в кабинете врача я оттер тапки от уличной земли и вымыл руки, чтобы керосином не пахли.

Когда утром Пантелеймон открыл дверь, держа тарелку с кашей и стакан с чаем, то застал меня за гимнастикой. Пора-пора возвращаться к своей прежней форме, а то чуть позанимаюсь, тут же в пот бросает и дыхание сбивается.

– Ну что там, Пантелеймон Васильевич, следствие всё ещё идёт? – спросил я, оборачиваясь к санитару, не прекращая тренировку корпуса: положил руки на пояс и поворачивался всем корпусом то влево, то вправо.

– Полицейские уже уехали, Максим Евгеньевич. Говорят, точно поджог, а вот жандармы всё ещё здесь. Врача нашего забрали. Как нашли что-то при обыске в его кабинете, так и увезли. Ещё ночью, до рассвета, – ответил санитар, ставя на табурет, заменявший у меня стол, тарелку и чай. – Сейчас поснедаете, и я тазик с водой принесу. Помывку велели провести.

Это старшая сестра милосердия, оставшаяся после ареста Земскова за главную, распорядилась.

– Понятно, – вздохнул я, стараясь не выдавать своих чувств.

Вчера, как только я вернулся в палату и улёгся, забили тревогу: горел дом Земскова. Естественно, нас стали эвакуировать, все строения всё же деревянные. Пантелеймон меня еле добудился – пришлось сделать вид, что я крепко сплю. Прихватив вещи и завернувшись в одеяло, я вышел во двор и прошёл следом за другими больными в сад. Тут и женщины с первого этажа мелькали. Часть больных стояли в шеренге и передавали друг другу вёдра. Чуть позже подоспели пожарные. Естественно, газеты, разбросанные мной, находили, и Земсков, непонятно каким образом так быстро появившийся здесь, торопливо и, надо сказать, испуганно отбирал их у персонала и больных, но один экземпляр полицейским в руки попал.

Когда остатки дома потушили, тут уже всю шуровали жандармы. Земскова допросили и вежливо попросили показать кабинет. Тот, уверенный, что там ничего не найдут, легко дал согласие... Ох, как же он орал потом...

Наконец больных проводили в пропахшее дымом здание больницы, размещая по палатам. Так что новости я собирался узнать от Пантелеймона.

Значит, Земскова забрали? Хм, хорошо, на то и был расчёт. Пусть потрепыхается, заслужил, скотина.

– Понятно... – протянул я, заканчивая с кашей и принимаясь за чай. – Ещё новости какие есть?

Слушая всё, что вываливал на меня санитар, обмывая меня, я размышлял о своих дальнейших шагах. Как ни крути, а в первое время деньги на руках нужно официально подтверждать, мол, откуда берутся. Это чтобы меня не связали с Земским. Нас, больных, не опраши-

вали, видимо не посчитав это нужным, но перестраховаться всё же стоило. От Пантелеймона я узнал, что к обеду должен прибыть временный врач на замену арестованного. Это пока не назначат нового и не отстроят новую избу для врача.

– Пантелеймон Васильевич, есть деловой разговор, – сказал я, когда тот закончил меня обтирать.

Тот заинтересованно глянул на меня из-под кустистых бровей.

Я достал из-под подушки часы и показал их ему, сообщив:

– У меня сейчас трудности с деньгами, поэтому хочу заложить часы. Именно заложить с возможностью выкупа. Часы отец подарил, но стеснение в средствах вынуждает меня пойти на эту крайнюю меру. Так вот, Пантелеймон Васильевич, не могли бы вы пригласить сюда человека, который занимается скупкой разных ценных вещей? Часы, как видите, из жёлтого металла, не золотые, просто позолоченные.

– Есть у меня один знакомец, могу привести, – кивнул тот, жадно глянув на часы. – Могу и сам снести, если доверите.

Санитар был ещё тем пройдохой и доверия у меня, естественно, не вызывал, однако я кивнул и протянул их ему.

– Конечно, держите. Примерная их стоимость около двухсот рублей. Согласен отдать их за сто.

– Вряд ли Семён купит их за такую цену, – с сомнением сказал санитар. – Лучше я всё же приведу его сюда.

– Было бы не плохо, – согласился я, на это и рассчитывая.

И Пантелеймон, намекнув о своём проценте, ушёл.

Когда Пантелеймон привёл ростовщика, то тут же поспешил уйти, так как приехал временный врач и совершал обход палат, во время которого его должен был сопровождать весь персонал.

Ростовщик был круглый, как колобок, на полголовы ниже меня, одет в достаточно приличную одежду, хотя заметно поношенную. В общем, со стороны – мелкий купец с небольшим доходом. В принципе, всё правильно. Откуда у Пантелеймона возьмётся в знакомых серьёзный делец? Нет, это была мелочь, шелупонь, барыга, скупающий краденое.

Торговался он яростно, сбрасывая цену, но удержать её на сорока шести рублях двадцати семи копейках я смог. Слишком мало из того, на что я рассчитывал, но вполне хватало. Главное – деньги, что я получил и собирался убрать под подушку, были легальными. Под конец торга в мою конуру заглянул врач со своим табором, так что свидетели были. Получив часы и мои крепкие заверения, что я их в скором времени выкуплю, ростовщик покинул палату, и мной занялся врач. Осмотрел, велел сменить повязки, кровила рана на бедре, и ушёл.

В этот раз мной занималась сестра милосердия. В отличие от работы Земского, бинты были сняты аккуратно и так же аккуратно наложены новые, претензий у меня не возникло. Несмотря на близость женщины, а у меня её давно не было, и на касание тела пальчиками, медсестра желания у меня не вызывала. Лет сорок ей было, как и остальным женщинам из персонала больницы. Молоденьких совсем не было, а жаль.

Когда процедура была закончена, я вышел в коридор и позвал Пантелеймона. Он был занят, работал в соседней палате, но обещал, как освободится, зайти ко мне. И минут через двадцать появился, вопросительно глянув на меня.

– Нужен портной с готовой одеждой для меня. Одежда под горожанина среднего достатка. Обувь – лучше сапоги, и саквояж для личных вещей. По возможности нужна трость, а то я припадаю на левую ногу... Это за прошлую работу и за будущую, – протянул я ему рубль.

– Всё будет сделано в лучшем виде, Максим Евгеньевич, – поклонился тот, принимая деньги.

Надо сказать, санитар не оплошал, видимо, связи были, так что не прошло и часа, как во дворик больницы въехала небольшая одноконная пролётка, которую покинули двое мужчин, я так понял, портной с помощником. В их руках были узлы. Пантелеймон их встречал и помог с вещами. Отойдя от окна, через которое я за ними следил, захромал к своей палате. Окно моей конуры выходило в сад, вид, конечно, красивый, особенно осенних деревьев с желтеющими листьями, но всё же я предпочёл бы, чтобы окно выходило совсем в другую сторону.

Портной был не самым лучшим, однако и не худший, так что подобрать одежду было из чего. В основном привезённая одежда была мне по плечу, как и обувь, видимо, Пантелеймон сообщил мои размеры, когда отправлял мальчишку-посыльного к портному. Кроме пары очень качественных сапог, которые на полразмера были мне велики, но с портянками самое то, я взял два комплекта нижнего белья, штаны, рубаху, жилет, пиджак и тёплое пальто. Также приобрёл утеплённую кепку. Как это ни смешно звучит, но она очень напоминала кепку Шерлока Холмса из советского сериала. Тот же фасон. Портной пытался уговорить меня взять вторую смену одежды, но я отказался. Да и тот сообразил, что всё купленное для меня лишь на время, чуть позже я приобрету что-то другое, более качественное. А две трости он действительно привёз. Я выбрал одну, что покороче, как раз по руке была.

Получив шестнадцать рублей сорок семь копеек, довольный портной покинул палату, а я осмотрел саквояж. Размер приличный. Убрал в него нижнее бельё и пальто. Сейчас пока можно обойтись одним пиджаком, вполне тепло. Достав из-под кровати саквояж Земскова, я убрал его в свой. И, подхватив багаж, имевший раздутые бока, я, постукивая тросточкой, направился к выходу. Особых препятствий чинить мне не стали, врач, конечно, был в сомнениях, но я твёрдо настоял на своём, сообщив, что буду долечиваться в домашних условиях, и он приказал вызвать пролётку. Перед уходом я пожертвовал на нужды больницы десять рублей, деньги у меня были приняты благосклонно, лечили-то меня бесплатно. Попрощавшись с Пантелеймоном, я с помощью кучера забрался в экипаж и покинул территорию больницы. Надеюсь, навсегда. Болеть мне не понравилось.

– Куда? – поинтересовался возница.

Достав из кармана квитанцию ростовщика, который выкупил у меня часы, я сообщил адрес. Оказалось, это было недалеко, доехали быстро.

– Вас ждать, молодой господин? – поинтересовался кучер.

– Да, постараюсь быстро вернуться.

Может, одежда на мне была и не самого лучшего пошива, но вёл я себя как дворянин, во всяком случае, старался соответствовать, вот тот так и обращался ко мне. Подхватив багаж, не оставляя же его в пролётке, я не такой идиот, зашёл в лавку менялы и приветливо кивнул хозяину.

– Я пришёл выкупить свои часы, – хлопнул я листком закладной по столешнице.

Тот, вытянув губы, изучил бумажку и, ощерившись, толкнул её обратно.

– Липа, – сказал он, насмешливо глядя на меня, будто не он сам выдал мне её недавно. – Я ничего не брал.

– Вот как? – холодно посмотрел я на него. – Не передумаешь?

– Пошёл отсюда, щенок, – сказал тот, покосившись в сторону двери, которая вела во внутренние помещения магазинчика.

Я тоже посмотрел туда. Там стоял крепкий мужик, видимо, вышибала хозяина. Я также окинул взглядом ассортимент лавки, мысленно прикидывая, что с этого наглого барыги можно поиметь, и ответил без особой угрозы в голосе:

– Ну смотри...

Вернувшись в пролётку, велел кучеру:

– На железнодорожный вокзал. Не знаешь, когда уходит ближайший поезд на Питер?

* * *

На вокзале я приобрёл билет до Санкт-Петербурга. К счастью, поезд отходил сегодня вечером. Потом, устроившись в углу за столиком привокзального ресторанчика, извлёк саквояж Земскова. Завернув деньги в рубашку, убрал их на самое дно большого саквояжа, но вот патроны, которые вчера вылушил из магазинов, пришлось вернуть на место. До конца магазина не снаряжал, по шесть патронов в каждый. После этого убрал пистолет в пустой саквояж врача, распахнул по карманам запасные магазины и, пообедав, отнёс багаж в камеру хранения. Потом взял пролётку и поехал обратно к ростовщику.

Когда мы добрались до места, а адресом я назвал соседний с ростовщиком магазин, чтобы нас друг с другом не связали, ведь оставлять в живых кого-либо в лавке я не собирался, поэтому работал очень осторожно. Разозлил меня наглый купчина, а таких учить надо, в данном случае раз и на всегда. Пролётка, высадив меня, покатила дальше по улице, ну а я развернулся и, подойдя к нужному дому, на первом этаже которого и находилась лавка, вошёл в неё. За два часа моего отсутствия внутри ничего не изменилось, всё так же стоял за прилавком меняла, в углу возился его помощник. Посетителей не было, что облегчало мои действия, брать грех на душу, убирая свидетеля, мне не хотелось, хотя при необходимости на это я пойти вполне мог. Подойдя к стойке, сказал хозяину лавки:

- У меня ещё кое-что есть. Может, обменяете на часы?
- Давай посмотрим, – ухмыльнулся тот.

Когда я стал открывать саквояж, его помощник тоже усмехнулся с лёгким налётом презрительности. Правда, эти ухмылки тут же исчезли с их лиц, когда я достал пистолет и, невозмутимо глядя на них, процедил:

- Часы.

Ствол я направил на хозяина лавки, а его помощника контролировал боковым зрением, тот стоял не совсем удобно. Глядя на ствол пистолета, ростовщик потянул руки под прилавок, и его движение мне очень не понравилось.

– Куда?! – рявкнул я. – Выйди из-за стойки и встань рядом со своим подельником. Руки на виду держать.

Тот, побледнев, подчинился, на его лбу и висках появились крупные капли пота. Резко дёрнувшись в сторону и застонав от потревоженных ран, я посмотрел на рукоятку ножа, дрожавшего в стене.

- Неплохо, – хрипло пробормотав, кивнул я помощнику ростовщика. – Почти успел.

Подойдя к двери, я запер её и, обойдя бандитов стороной, зашёл за конторку. Часы обнаружили тут же, а то я беспокоился, что ростовщик их уже кому-то толкнул. Слишком жадным блеском сверкали его глаза, когда он рассматривал незнакомый ему позолоченный механизм. Ещё тогда, у себя в палате я начал подозревать, что могут возникнуть проблемы с выкупом.

Убрав часы в карман, я изучил, что ещё было скрыто под прилавком.

- Хм, «смит-вессон». У меня такой же был в прошлой жизни.

Револьвер с запасом патронов были отправлены в саквояж, туда же и деньги, найденные мной. Нож, с трудом выдернув, тоже прибрал. Хороший. Балансировка просто великолепная, это я как специалист по холодному оружию говорю.

- Что ещё есть ценного? Ты же должен понимать, что за свою жадность должен ответить.
- Нет ничего больше. Ты всё забрал.

– Ох врешь, царю врешь, – пробормотал я, заставив обоих воров удивлённо вскинуть голову.

Небольшую подушечку я приметил сразу, похоже, она не для продажи была, судя по потасканному виду, её использовал ростовщик в качестве противогеморройного средства. Взяв

подушечку, я прижал её к стволу – немного заглушит шум выстрела. Так и оказалось. Быстрой серией я выстрелил три раза. Помощник ростовщика, получив две пули в грудь и одну в голову, завалился.

– Как видишь, я не шучу. Выстрелы приглушены. Возможно, их снаружи кто-то и услышит, но не обратит внимания. А я могу долго тебя убивать, сперва руки отстрелю, потом ноги, и до остального дойдёт. Ну так как, выдашь секреты?

Тот выдал после первого же выстрела, который разнёс ему колено, выболтал всё, что мог. Много мусора было, но и ценное выудить я смог. Пару тайников с деньгами и драгоценностями. Драгоценности принесли для продажи налётчики, и деньги за них, кроме аванса, получить пока не успели. Добив хозяина лавки, я обыскал её, и мной, в частности, была обнаружена мощная морская подозрительная труба. Новенькая, в чехле. Когда я достал её, то чуть не пошатнулся от изумления. Она была один в один вроде той, что я видал в глюках. Охренеть и не встать, бывает же такое совпадение!

Сложив трофеи в саквояж, только подозрительную трубу убирать не стал, большая по размеру, я покинул лавку. К счастью, за те полчаса, что я был внутри, никто не ломился в неё, так что я работал спокойно. На соседней улице увидев пустую коляску, нанял её и велел везти меня к больнице, той, где пролежал неделю. Там мы встали в засаде. Кучеру я сказал, что ожидаем мою даму сердца, тот получил трёшку и особо не возражал, натянув шапку на глаза и подрёмывая, пока я наблюдал.

Если кто подумал, что я решил навестить Пантелеймона, то он ошибается. Зла на него за то, что он ловчилу нечистого на руку привёл, я не держал, более того, за прибыток был ему благодарен, почти тысячу рублей взял, да и драгоценностей тысяч на десять, не меньше. Видимо, какой-то дворянский, а возможно, и купеческий дом обокрали. Нет, идея навестить окрестности больницы возникла у меня спонтанно и по другому поводу. Ведь Земсков не один работал, в организации состоял, значит, его сподвижники не могут не поинтересоваться причинами его ареста. Должен быть соглядатай от них, ещё как должен! Вот именно он мне и нужен. В тайнике у врача я нашёл только русские деньги, а эти революционные движения спонсировались из-за границы. В ближайшее время у меня в планах было покинуть Российскую империю, чтобы подготовиться к войне, поэтому нужно было прокатиться по разным государствам, соответственно, и наличка требовалась в валюте. Много. Именно её получением я и хотел заняться до отхода поезда, опустить этих революционеров на деньги. Серьёзно опустить. Выйти на куратора и, возможно, на валюту.

Я уже начал с беспокойством поглядывать на часы, до отхода поезда осталось полтора часа, когда моё внимание привлёк молодой парень лет двадцати, судя по одежде, работник в магазине, мелкий клерк. На пожарище ещё велись работы, разбирали развалины, а этот то там походил, то у крыльца с больными пообщался, то заторопился на улицу. Его ожидала коляска с кучером. Вот за ней я и направился. Наблюдал издали, так как лиходеи проверялись насчёт слежки, но нас они не приметили. Запомнив, в какой подъезд тот шмыгнул, я отпустил извозчика и, припадая на одну ногу – трость осталась с багажом, – держа в руках саквояж, направился к нужному строению. Трудно пройти в вестибюль и подняться на этаж выше мне не составило, хоть и взопрел. Дом был трёхэтажным, их ещё называли доходными. На каждом было по две квартиры, видимо, дом считался благоустроенным с расширенным метражом. Неплохо, надо будет попозже прикупить такую квартирку. На двух дверях имелись таблички с фамилиями владельцев. Я пробежал все этажи, вслушиваясь через дверь, что происходит в квартирах, однако везде молчок. Даже странно.

Я решил, что революционеры укрываются в одной из квартир, что не имеют табличек. Однако, когда я находился в пролёте между вторым и третьим этажом, заметил, как отворилась дверь четвёртой квартиры и оттуда вышли двое мужчин. Один явно хозяин, лет пятидесяти, с бородкой клинышком. Козлиная бородка. Одет как на приём. А вот второй – примеченный

мной у больницы клерк. На табличке четвёртой квартиры была такая незатейливая фамилия – Лукин и инициалы, без всяких званий.

– Ну иди. Что делать, ты знаешь, – сказал старший, и клерк стал спускаться.

Я уже готов был рвануть, чтобы на его плечах ворваться в квартиру, но тот локтем прикрыл дверь, не запирая её, и начал спускаться. Меня удивило его поведение, поэтому я решил посмотреть, что будет дальше. А он вышел из подъезда, явно кого-то ожидая. Когда подъехала крытая пролётка, а почти сразу за ней вторая, я понял, что прибыли гости, и рванул в квартиру. Пока хозяин внизу встречал гостей, я, изумляясь такой его беспечности, обежал квартиру. Мне она понравилась, и я решил, что, когда буду покупать квартиру в России, приобрету схожий вариант. Ну да ладно, я проник сюда не для этого, а убедиться, что в ней никого нет. То, что прислуга имеется, заметил сразу, такую чистоту могла навести только она, но, видимо, Лукин отпустил её перед встречей. Пока гости с хозяином поднимались, я прикинул, где они устроятся. Было два варианта: кабинет хозяина и гостиная. После недолгого раздумья решил, что это будет гостиная. Тут был большой стол, за который они могут сесть всем скопом. В принципе, в кабинете тоже можно было устроиться, но не с такими удобствами.

Пройдя в гостиную, я быстро осмотрелся. Спрятаться можно было в двух местах: большой шкаф с зеркальными дверцами и стол, длинная скатерть скрывала то, что было под ним. Но стол я сразу исключил, логично, что меня там ногами запинаят, когда рассаживаться будут, так что остаётся шкаф. Ключа в замочной скважине не было, поэтому я отмычкой открыл его, сунул внутрь свой саквояж и залез сам. Чуть по носу подозрительной трубой не получил. Пришлось убирать её в сторону, чтобы не мешала. А чтобы видеть, что происходит, я оставил щёлку, не до конца прикрыв створку шкафа. Если не приглядываться, то не видно.

Сначала раздались шум в прихожей и приглушённые голоса. Через минуту отворилась дверь, и хозяин пригласил в гостиную приезжих. Невнятный говор приобрёл вполне ясную речь.

– Прошу, мистер Джонсон, присаживайтесь сюда, – на плохом английском сказал Лукин.

Тот, к кому он обращался, имел клетчатый костюм, коренастую фигуру, рыжую шевелюру и конопушки по всему лицу. Он насторожённо поглядывал по сторонам, а в левой руке у него был такой же саквояж, как и у меня. Судя по тому, как он держал руку, за полый пиджака у него было оружие.

– Благодарю, господин Лукин, но я лучше сяду на то место... – ответил англичанин по-русски, и говорил он куда чище, чем хозяин квартиры по-английски. Гость сел так, чтобы контролировать входную дверь, фактически спиной ко мне, продолжал держать саквояж в руке. – Сообщите мне о господине Земском...

Скажу честно, если бы не лимит времени, мой поезд на Санкт-Петербург отходил через полчаса, я ещё подождал бы, но времени не оставалось. В комнате было пять мужчин, помимо англичанина ещё одному было лет тридцать, остальные старше. В гостиной я прихватил небольшую подушечку с дивана, мне нужно было что-то на роль глушителя, хозяин её пропажи не заметил, ему не до неё было, так что, толкнув дверь, я прямо из глубины шкафа открыл огонь на поражение. Тот, кто сидел ко мне лицом, удивлённо расширил глаза, заметив, как открывается дверца. Этого англичанину хватило, отреагировал он молниеносно. Оттолкнувшись, начал падать вправо, но было поздно, и в его спине появились две небольшие сочащиеся кровью дырочки, а я уже стрелял по остальным. На каждого по одному выстрелу в грудь, чтобы наверняка. Стрелять пришлось в быстром темпе, постоянно меняя цели. Двоих, как и англичанина, я завалил ещё за столом, а двое других, включая хозяина, рванули из комнаты, один успел распахнуть дверь и повалился, захлёбываясь кровью, Лукин же споткнулся о него и упал на пол. Встать я ему уже не дал. Я быстро перезарядил оружие и пробежался, делая контроль: недобитые мне были не нужны.

Всю комнату заволочло дымом сгоревшего пороха. А я занялся сбором трофеев: бумажники, часы – в общем, всё ценное. Оружие было у троих. Два револьвера разных калибров с запасом патронов, но оба для карманного ношения. Англичанин же порадовал таким же «браунингом», что был и у меня. Правда, магазин запасной был всего один, зато имелась вполне неплохая оперативная кобура. Чуть позже в паху на хитрой подвеске я случайно нашёл ещё один пистолет. «Диренжер». Одноствольный и однозарядный.

Всем приобретённым я набил свой саквояж. Когда очередь дошла до багажа англичанина, я сразу понял, что обыск квартиры можно не делать, как собирался ранее. Этим я сэкономил уйму времени. Саквояж доверху был набит пачками денег. Вперемешку российскими рублями и английскими фунтами. На глазок последних было больше. Ага, понятно, похоже, мне повезло вместе с совещанием попасть и на время выдачи очередной партии денег. Не полагал, что тут такие солидные средства крутятся, думал, меньше будет. Видимо, этот Лукин входил в очень серьёзную организацию, или эти деньги должны были распределяться по другим группам, начав движение отсюда. Кто же теперь скажет?

Мне потребовалось минут пять собраться. Чехол с подозрной трубой на правое плечо, по саквояжу в руки, я запер квартиру и поспешил вниз. Приглушённые выстрелы если и донеслись до соседей, то, рассчитывая, у меня ещё есть время. Кстати, когда я спокойно вышел из подъезда и направился в сторону железнодорожного вокзала, взглядом выискивая свободных извозчиков, то приметил клерка. Он стоял чуть в стороне у входа в проулок, лузгая семечки, отслеживая всё движение на улице. А в стороне маячила и пролётка с извозчиком, которая довезла его до этого дома от больницы. Понятно, на стрёме, пока куратор со своими агентами встречался. Свернув на соседнюю улицу, я рванул к извозчику, который как раз высаживал пассажиров. Вовремя он мне попался, уже шатать начало, судя по своему состоянию, я немного переоценил свои силы.

– На железнодорожный вокзал, плачу по тройному тарифу, если успеешь.

– Будет сделано, вашбродь, – тут же сориентировался кучер и стегнул двух молодых жеребцов, так что я понадеялся успеть к поезду.

Успеть успели, но эта пролётка всю душу из меня вытрясла. Никакого понятия рессор тут не было, везде булыжная мостовая. Думал, зубы раскрошатся. Расплатившись, как и обещал, я подхватил оба саквояжа и, прихрамывая, побежал в камеру хранения. По пути приметил носильщика и дальше бежал налегке. Получив багаж, дальше уже опираясь на трость, поспешил к поезду. До отправления две минуты.

Билет я взял в комфортабельный вагон, моё купе было двухместным. В нём уже устроился пожилой господин. Непонятно, то ли купец, то ли дворянин. На первый взгляд не отличишь. Сейчас и купеческие дети имеют по два образования, так что могут похвастать печатью интеллекта на лице, благородными манерами и дорогой одеждой от лучших портных. Моё недоумение решило простое знакомство. Пока проводник укладывал на полки мой багаж, я коротко кивнул попутчику и представился:

– Максим Ларин. Сын французских промышленников русского происхождения.

– Граф Стольцев. Чиновник Департамента путей сообщения.

Мы довольно быстро нашли общий язык, так что наше путешествие проходило в беседе. Я довольно подробно рассказал о своих приключениях, пожаловавшись на бюрократию при получении гражданства, по секрету сообщив графу, что планирую решить эту проблему в столице.

– Любую проблему можно решить, имея на руках необходимые средства, – сказал граф. – У вас же с этим проблемы после ограбления.

– Проблем нет, – коротко ответил я и после небольшой заминки добавил: – Я нашёл своих слуг, сразу как покинул больницу. Точнее, одного. Они решили поделить добычу, в живых остался один. Так что я всё вернул за малым исключением, что те успели пустить на пропой.

– Наверное, и те двое были ещё живы, когда вы пришли, – понимающе улыбнулся попутчик.

– Были, да и третий, когда меня увидел, вдруг схватил со стола нож и нанёс себе в грудь шестнадцать ударов, потом воткнул нож в щель в полу остриём вверх и пять раз прыгнул на него спиной, а потом широким замахом вскрыл себе горло. Что только с людьми не бывает, да?

– Вы правы, Максим, чего только не бывает.

Мы свернули с этой скользкой темы и вернулись к получению гражданства. Нужной информацией сосед владел, помогал знакомому из Германии гражданство получить, так что довольно подробно всё объяснил, сообщив, что при наличии средств это можно сделать достаточно быстро.

В Питер мы прибыли утром. Мы распрощались с графом, и я на пролётке покатил в сторону центра города. В столице было холодно, тут-то и пригодилось пальто с подбоем, так что ветра я уже не опасался. Мне нужно найти пристанище, ненадолго. Задержаться в столице России я планировал лишь на то время, пока не решу свои проблемы по легализации и набору помощников, а они мне были нужны, без них никак. О получении гражданства и говорить не стоит, это одно из самых важных дел, запланированных на это время.

Город сиял, блестел, мне нравилось здесь, с любопытством поглядывая по сторонам, я любовался им и жителями. Извозчик, когда я задал ему вопрос о временном жилище, кивнул, сообщив, что знает, что мне подойдёт, и привёз к доходным домам. Правда, это было небо и земля по сравнению с теми апартаментами, где жил Лукин, но и небольшая малогабаритная квартирка мне вполне подходила. Документы у меня спросили, но после того, как я добавил ещё одну банкноту, этот вопрос был снят. Я получил ключ и заселился. Понимаю, что часть местной прислуги работает информаторами на полицию и сведения обо мне могут уйти на сторону, но я и не собирался здесь задерживаться.

Оплатил я также и служанку, что будет приходить убираться. Это дополнительная услуга. Так что я дождался, когда та застелет свежее постельное бельё, и, выпроводив её, стал прятать добычу. В тайниках я дока, так что укрыл всё. После этого, собравшись, осмотрел себя в зеркале, как выгляжу, и, прихватив свой единственный документ о выписке из больницы, припадая на одну ногу и постукивая тростью, покинул дом. Поймав извозчика, наказал отвезти меня в министерство.

Вот там я застрял, на себе испытывая, что без бумажки я букашка. Однако совет графа помог, хапали в основном те, кто сидел повыше, низы же имели крохи, хотя именно они всё оформляли и несли начальству на подпись нужные документы. В общем, я нашёл одного клерка, который сразу врубился, что я хочу, принял от меня мзду, пятьдесят рублей, три его зарплаты, между прочим, и после моего твёрдого обещания добавить столько же ему и двести его непосредственному начальнику, он подтвердил, что всё будет решено за два дня. Причём документы я получу на эмигранта из Франции, подтверждающие, что являюсь сыном промышленников из этой страны. Липа, конечно, но липа, вышедшая из стен министерства, липой уже не является.

Оставив свои данные, я скрепил договорённость рукопожатием и, прежде чем отбыть, спросил у клерка:

– Господин Луцин, не подскажете, где можно найти учителя японского языка? Это за дополнительную плату.

– Пять рублей, – быстро отозвался тот и, получив требуемое от удивлённого меня, сказал: – Со мной в одном доме живёт кореец, Ен его зовут. Он в Китае жил и, когда его японцы захватили, бежал к нам. Тут чистильщиком обуви устроился. Хороший мастер, старательный. Подрабатывает, если требуется перевести на корейский или японский. На русском и на японском как на родном говорит.

– Точно кореец? – с сомнением спросил я, подивившись второму совпадению, вспомнив о подозрительной трубе, оставленной в квартире.

– Его дважды жандармы проверяли, знаю. Точно. Семьи у него нет, слугой пойдёт, если договоритесь.

– Ладно, уболтал. Где он живёт?

Узнав адрес, я направился по нему. Дома корейца не оказалось, нашёл я его на рабочем месте. Дождавшись, когда освободится место, устроился на сидухе и, наблюдая, как тот, ловко управляясь двумя тряпочками и щёткой, наводит блеск на правый сапог, спросил:

– Ен?

Тот дёрнулся, но работать не перестал, лишь насторожённо покосился на меня. Я уже не удивился, рассмотрев знакомое лицо. Именно знакомое, один в один, как тот мой слуга на миноносце из гюков. Да и гюков ли? Теперь даже не знаю. С виду он действительно был азиатом, хотя я легко мог бы его спутать с тем же таджиком. Это был молодой парень лет двадцати, с задором во взгляде и подвижный, как ртуть.

– Да, господин, я Ен.

– Хорошо. Мне нужен учитель японского языка, причём выучить я его должен за четыре месяца, край – пять. Справишься? Плачу очень хорошие деньги. На собственный дом здесь, в России, хватит. Насколько я в курсе, ты мыкаешься по съёмным квартирам, снимая их на пару с другими желающими. Ещё мне нужен слуга. Две зарплаты, как видишь, будешь получать. Помимо этого могу пообещать тебе множество стран, в которых мы побываем. И ещё одно. Думаю, ты не любишь японцев. Так вот, скоро будет война, и есть шанс серьёзно прищемить хвост этим макакам. Как тебе такое предложение? Это бонус.

Ен думал не думал, условия для него я действительно предлагаю царские. Обговорив оплату: деньги я платить ему не буду, а сразу куплю квартиру, вот он её и будет отрабатывать в течение двух лет на моём содержании. В принципе, я не против, главное, чтобы тот выполнял свои обязанности и обучил меня японскому языку и письму, что тоже немаловажно. А квартиру, пока тот со мной разъезжает, можно сдавать, что будет солидным подспорьем, когда Ен вернётся.

Оплатив чистку, Ен качественно поработал, я оставил ему адрес, по которому он прибудет ближе к вечеру – ему ещё нужно продать оборудование по чистке обуви, – и направился в Морское министерство. Открываться ему, кто я и откуда, не буду, один раз глупость подобную совершил, поэтому будем импровизировать.

К зданию Главного адмиралтейства, где располагалось не только Морское министерство, но и Главный морской штаб и Главное гидрографическое управление, я подъехал в три часа пополудни. Тут я тоже мудрить особо не стал и, посматривая, как из дверей Адмиралтейства выходят строгие офицеры и военные чиновники, выбирал жертву. Им также оказался мелкий клерк. Догнать его, даже прихрамывая, ничего не стоило. Несмотря на усталость, а я успел за неполный день очень устать, смог догнать неспешно шагавшего мужчину.

– Доброго дня, – поздоровался я. – Это не вы гривенник уронили?

– Боюсь, нет, молодой человек, чужого мне не надо, – обернувшись и смерив меня суровым взглядом, ответил тот. – Я понимаю, что вы что-то хотите от меня. Сразу говорите что, ложь я чувствую.

– Раны ноют, – неловко улыбнулся я, осторожно поглаживая болевшие места. – Вы правы, я хотел свести с вами знакомство. Это не касается вашей работы, если только косвенно. Мне больше нужны советы и небольшая помощь. Мне трудно стоять, может, пройдем в какое-нибудь быстро? Я угощаю.

– Хорошо, – после секундного молчания согласился клерк.

Мы направились к ближайшему ресторану, или ресторации, как её называл работник Адмиралтейства. Когда я пошатнулся, вытирая пот со лба, тот спросил:

– Вас серьёзно ранили?

– Четыре огнестрельных ранения. По ногам и рукам стреляли, пытались живым взять.

– Не получилось, как я смотрю.

– Вы правы, в этот раз карта удачи легла мне. Отбилась.

– Отбились? То есть всех?..

– Один ушёл, – угрюмо ответил я. – Я, конечно, стреляю как бог, как мне не раз говорили, но даже у богов, бывает, заканчиваются патроны. Пока полз к одному из убитых, чтобы трофейное оружие добыть, последний и сбежал. Я его в руку по касательной зацепил, но сбежать это ему не помешало.

Дальше мы шли молча, переваривая то, о чём беседовали. Я прикидывал, не выдал ли лишнего, вроде всё в тему, чтобы выглядеть отпрыском богатого семейства, несмотря на не самую хорошую одежду, а клерк явно обдумывал сказанное мной. Мы оба были голодны. Как оказалось, клерк тоже пропустил обед, так что мы сели за отдельный столик и сделали заказ.

После того как мы поели, я взял чай и, сделав глоток, умиротворённо посмотрел на клерка. Кстати, он представился Максимом Гариным, тёзкой оказался. Заметив мой взгляд, он кивнул:

– Слушаю.

– Думаю, вы знаете, что скоро начнётся война с Японией. Причём, по всем моим прикидкам, а я учился в военно-морском училище, хотя и не доучился, поражение России будет несомненным. Слишком несопоставимы силы на месте театра будущих военных действий, да и Англия поддерживает Японию, не особо этого скрывая.

Клерк, услышав мои слова, застыл, как статуя, с некоторой яростью рассматривая меня, комкая в кулаке край скатерти. А когда я замолчал, он хрипло спросил:

– Откуда?

– Из Англии, вестимо. Информация о намерениях японцев у меня прямо из штаба военного флота Великобритании. Ведь именно они и разрабатывали план военных действий, а японцы будут лишь ему следовать. Кстати, да, я знаю дату начала войны и каким оно будет... Тёзка, не смотри на меня так. Ваше командование об этом прекрасно знает, включая примерное время нападения, но на все рапорты никакой реакции нет и не будет. Я тоже не собираюсь биться лбом о вашу бюрократию. Я оставлю информацию на бумаге обо всём, что знаю, о будущей войне, как говорится, из первых рук, а сам буду готовиться. Добровольцем. Я имею в виду военно-морскую подготовку. Родители перед гибелью оставили мне большое наследство. Поэтому я хочу с вашей помощью набрать себе команду из списанных, но опытных военных моряков и по возможности офицеров. После этого отправлюсь с ними в Германию, где приобрету самую скоростную яхту, и, когда прибуду на театр военных действий, сделаю из неё вспомогательный крейсер. По всем прикидкам, как ни торопиться, но, скорее всего, я опоздаю к началу. Куплю вооружения и направлюсь на Дальний Восток. Буду участвовать в войне частным порядком. Знаю, что это пиратство, но у меня нет другого выхода. Каперского патента от вас я никогда не получу. Пусть я стану изгоем, пусть меня будут искать, чтобы заключить в тюрьму, особенно Англия будет об этом стараться, но хоть такая небольшая помощь нашим морякам в Порт-Артуре, по которому нанесут первый удар, и пехотинцам, но будет. Тем более я собираюсь купить в Дании сотню ручных пулемётов, думаю, это станет серьёзным подспорьем при обороне и осаде Порт-Артура. Ещё я хочу встретиться с Макаровым, но сейчас это не обязательно, уже смысла нет.

– Почему? – прямо спросил тёзка.

– Англичане просчитали, что после нападения правительство направит Макарова в Порт-Артур, чтобы принять командование. Сейчас на весь флот двести адмиралов в России, и всего несколько можно смело отправлять на место боевых действий с уверенностью в них, и на первом месте, по их мнению, это именно Макаров. Им не нужно, чтобы адмирал скрутил япон-

цев в бараний рог, а он это сможет сделать, поэтому британцы начали подготавливать боевую группу для его ликвидации в Порт-Артуре. Отъехать те должны по железной дороге через три месяца. Теперь они никуда не отправятся: я и их куратора-англичанина, и их самих... Один выжил, но не думаю, что он решится действовать в одиночку, тем более кассу их я забрал, а бесплатно эти социалисты-революционеры работать не будут. Так что, поможешь с командой?

Гарин за всё время нашей беседы не сводил с меня пристального взгляда, лишь изредка поглядывал по сторонам, чтобы невольных слушателей не было, поэтому, когда я задал ему конкретный вопрос, медленно кивнул:

– Есть у меня некоторые идеи... То, что ты планируешь, – благое дело, и для меня будет честью тебе помочь... тэзка. Посидишь здесь?

– Зачем? – насторожился я. – Суть проблемы я озвучил. Скажи, как мне команду набрать, у меня время утекает как песок сквозь пальцы, и разойдёмся.

– С начальником моим нужно тебе поговорить. Очень нужно.

– Время, – постучал я по циферблату наручных часов согнутым пальцем.

Тот взглянул на часы незнакомого вида и, о чём-то подумав, сказал:

– Полчаса. Дай мне полчаса. Успею.

– Ладно. Жду, – вздохнул я.

Когда клерк вышел, я почти сразу встал из-за стола и, щедро расплатившись, направился к выходу. Столик я попросил оставить за мной, мол, сейчас вернусь, больно уж удобно он был расположен, и, покинув здание ресторации, направился к соседнему магазину. Да-да, пока мы шли к ресторации, я заметил магазин музыкальных инструментов и сейчас шёл к нему. Музыка спасёт мир, и я был с этим согласен. Выбор гитар был ограничен, честно говоря, они были в некотором дефиците, привозили по заказу, но аккордеоны имелись. Причём приличного качества. После недолгого осмотра я выбрал саксонский. Проверив его, поразился вполне неплохому качеству звучания. Чехол для него был, и мне быстро упаковали инструмент. Начав изучать наличие гитар, я посмотрел на часы и поморщился. До срока, названного мной самим, осталось меньше пяти минут.

Хватать что попало я не хотел, поэтому, забрав только аккордеон, который донёс до ресторации помощник продавца, вернулся. Как оказалось, опоздал, тэзка был уже тут, сидел за нашим столиком вместе с морским офицером. Если я правильно разбираюсь в местных званиях, это был ни много ни мало капитан первого ранга. Солидно.

– Сюда положи, – велел я служащему музыкального магазина и, когда тот положил аккордеон на указанное место, бросил ему мелкую монетку и коротко кивнул офицеру, представившись: – Максим Ларин, сын французских промышленников русского происхождения. Сирота. Сейчас провожу процедуру получения российского подданства. Надеюсь, она не затянется.

Каперанг, насторожённо изучавший меня заинтересованным взглядом, встал и тоже представился. Правда, как-то скомкано сообщил своё звание, тут я не ошибся, и фамилию, Соколов. А вот занимаемую должность он не озвучил. Думаю, и тут не ошибусь, если скажу, что он служит в военно-морской разведке. И он мне учинил форменный допрос. Приходилось часто прикладываться к стакану с соком, горло быстро пересыхало, но каперанг, делая какие-то свои пометки и записи, не останавливался. Я ему всё выложил о начале войны. Даже возможное уничтожение русских стационаров на рейде Чемульпо, без точных данных о кораблях, что там будут стоять. Причём всё говорил, будто получил эти сведения от своего знакомого из военно-морского штаба Англии, постоянно на него ссылаясь. Это всё они разработали, и если будут выть о подломе нападения японцев на наших стационаров на рейде Чемульпо, пусть не верят, японцы реализуют их план. Особенно долго капитан выпытывал об акте ликвидации Макарова, но где произошла наша схватка, я ему не сообщил, лишь подтвердил, что пролежал впоследствии неделю в московской больнице. Пусть проверяют.

В общем, Соколов, закончив меня выжимать, так же скомканно попрощался и покинул нас, сообщив, что мои проблемы решит тёзка. Видимо, такой чепухой заниматься он не собирался, но и препятствий не стал чинить, чего я в душе опасался. Решил я набрать частным образом команду, это моё дело, однако и мешать не стал. Более чем уверен, что не одного своего шпики ко мне подсунут, чего я, в принципе, и добивался. Кстати, перед уходом он попросил сообщить адрес моего проживания, и, подумав, я решил не скрывать и сообщил его. Сейчас по набору команды я зависел от них, так что тут влиять не стоит.

Тёзка со мной долго не пробыл, он лишь попросил озвучить специалистов, необходимых мне. И я это сделал. Нужно не менее шестидесяти моряков при двух-трёх офицерах или унтерах на замену. В принципе, офицерскую должность я и один потяну, необходимы помощники, которые будут меня сменять на вахтах во время перегона судна к будущему театру военных действий. В общем, машинная команда, артиллеристы, палубная команда, обязательно пять-шесть минёров, кто умеет использовать минные аппараты. Сейчас нет понятия торпеды, соответственно, и торпедных аппаратов тоже, сказать – не поймут. Пару рулевых, ну и сигнальщиков. Унтеров на командные должности. Если будут офицеры, то пообщаюсь с ними и отберу. Брать себе кого попало я не собирался. Мне требовались те, кто в бою не сдрейфит, кто согласен на драку.

Оформив списки, Гарин велел мне подойти через пару дней, быстрее команду собрать он не сможет. Ударив по рукам, мы разошлись. Я, прихватив аккордеон, поспешил наружу. Половой свистнул мне пролётку, и я покатил к себе на квартиру. Время было седьмой час, вечер. Заехав по пути в магазин, я купил писчие принадлежности. Нужная вещь.

Ен меня ожидал, сидел на ступеньках крыльца, а рядом лежала худенькая котомка со всеми его пожитками. Расплатившись с извозчиком, я спросил у корейца:

- Давно ждёшь?
- Главное, дождался, хозяин.
- Бери вещи и идём за мной.

Постукивая тростью, я поднялся по ступенькам в холл, направился к лестничному пролёту, Ен двинул следом со своей котомкой и моими свёртком с покупками и аккордеоном. Сложив вещи на столе гостиной, он посмотрел на меня. Указав на обстановку, я сказал:

– Эта квартира вместе с обстановкой станет твоей. Что я хотел бы получить в качестве платы, ты в курсе. Документы есть?

- Конечно.

К моему удивлению, у Ена были документы и паспорт подданного Российской империи. Шустро подсутился, это он молодец. Квартира его устроила. Спальня, гостиная и кухня, совмещённая с небольшой столовой. Имелся и санузел, дом был благоустроенным. Завтра оформим покупку на него. Дальше, чтобы не терять времени, Ен дал мне несколько заданий по японскому языку, и теперь, по моей просьбе, говорил со мной только на нём, поясняя, что сказал. Я стал корпеть над листком бумаги, а мой учитель, получив деньги, побежал купить продовольствия. Я планировал в разных платных заведениях питаться, но Ен сказал, что он отличный повар. Что ж, пусть демонстрирует свои навыки. Хм, как позже выяснилось, он даже приуменьшил свои таланты. Впечатлён.

До обеда следующего дня мы занимались оформлением квартиры, даже в архиве администрации города отметку сделали. Небольшие подарки нужным людям – и всё было сделано за самое кратчайшее время. Наконец Ен приобрёл в России свой дом, своё личное пространство. Правда, пока я всё же занял спальню, но это до того момента, пока мы не покинем Россию. По моим недосказанным словам кореец понял, что пробудем мы здесь недолго. Кстати, в столице квартиры стоили очень дорого, даже такие малогабаритные, но, придушив жабу, я приобрёл её. Раз обещал, нужно выполнять, иначе какая будет вера моим словам?

А после обеда мы направились в один из стрелковых тиров Питера. Оба «браунинга» я оставил себе, так как был обучен стрельбе с обеих рук, а вот Ен в использовании огнестрельного оружия откровенно плавал. Инструктор, недолго позанимавшийся со мной, быстро понял, что мне он не нужен, это ему можно у меня поучиться, но Еном надо заняться плотно, и я оплатил краткие курсы. За неделю кореец должен был усвоить два короткоствольных револьвера, которые я выдал ему, основной и запасной ствол, а также «винчестер» под русский винтовочный патрон. Это оружие было уже местное, приписанное к тиру. Патроны мы покупали здесь же, в небольшой лавке при тире имелись все нужные калибры. Так что постреляли от души. Ну я-то восстанавливал навыки, и мне не мешали, более того, приличное количество зрителей собрал, там и обеспеченные горожане были, и полицейские, и, кажется, даже один жандарм. Мелькал знакомый мундир.

Если бы не раны, то я показал бы высший класс с перекатами и сменами магазинов, но явно и то, что смог продемонстрировать не в полной своей физической форме, произвело впечатление. Когда я чистил оружие, то обратился к инструктору:

– Уважаемый, не подскажите, где можно набрать крепких и смелых людей? Лучше всего бывших солдат. Предпочтение отдаю казакам и пластунам. Меня интересуют профессионалы войны.

– Хм, – задумчиво осмотрел меня тот, помогая Ену с чисткой револьвера, и после паузы ответил: – Такие знакомцы есть. Вам они к чему? Просто сразу скажу: разбоем они заниматься не будут.

– Да я и сам им не дам этого делать, – со смешком откликнулся я. – Нет, будет служба на частное лицо, но на благо государства. В общем, придётся недругам российской короны по роже настучать, и не только настучать. Поэтому мне и нужны лихие парни, которые пойдут на всё. Патриоты и добровольцы приветствуются.

Мне пришла идея создать абордажную команду, вот я и закинул пробный крючок. А почему бы и нет? Нужно же мне сформировать пулемётные команды. Кого я буду учить использовать «мадсены»? Ничего, разберёмся.

– Думаю, могу и двадцать подходящих бывших солдат набрать.

– Пусть будет тридцать. Кашу маслом не испортишь.

– Тогда завтра к часу, трактир «Лилия», что на Садовой. Спросите Тимофея, он у вояк старший. Я его предупрежу. Будут ждать.

– Договорились, – согласился я и, передав сумку с оружием Ену, пожал руку инструктору, и мы направились к выходу.

Патронов я закупил в достатке и заказал запасные магазины для «браунингов». В лавке их не было, обещали поискать по городу. Когда спросил о десятизарядных, озадаченно почесали затылок и пообещали «поспросить». Они о них даже не слышали.

Один пистолет у меня был под полой пиджака, знаю, что незаконно его так носить без разрешения, но я рисковал, другой – в сумке у Ена. Вместо второго ствола при мне был нож помощника ростовщика из Москвы, хороший клинок. Вот о «деринжере» в паху я не вспоминал, это на крайний случай.

Домой мы могли добраться и на пролётке, но от тира идти было минут пять спокойным шагом, вот я и решил прогуляться. Тем более после стрельбы, которая пришлась мне по душе, я чувствовал себя в тонусе. Усталость была, да и раны давали о себе знать, но пока терпимо.

Когда мы подошли к дому, я обратил внимание на явно служебную коляску у входа, двух конных рядом и морского офицера, нервно прогуливавшегося вокруг, постукивая тонким стеклом о левый сапог.

– Хм, с кем бы побиться о заклад, что это за мной? – хмыкнул я и покосился на насторожённого Ена. – Всё же надо было к портному заглянуть, сменить гардероб на более приличный.

Ен был в лёгкой курточке, не мне одному требовалась смена одежды, но это я запланировал на завтра, перед тем как посетить оба министерства, уточнить о документах, ну и о будущей команде, естественно. Однако планы, похоже, придётся менять, насколько, ещё не знаю.

Офицер нас приметил и с нетерпением ждал, когда мы подойдём.

– Максим Ларин? – отрывисто спросил он.

– Именно так. С кем имею честь беседовать... господин мичман, кажется? Я купил методичку со званиями армии и флота, проштудировал её в поезде, но не во всём ещё разобрался. У вас так всё запутано, особенно эти надворные советники и иже с ними.

– Вас ожидают, вам следует немедленно проехать. Мы и так уже опаздываем. Торчим здесь больше двух часов.

– Господин мичман. – Голос мой приобрёл стальные нотки. – Попрошу вас сначала представиться. А потом сообщить, кто и зачем меня ждёт.

– Извините, – с явным трудом взял тот себя в руки. – Его превосходительство вице-адмирал Макаров просит вас посетить светский раут, организованный графиней Стоцкой, для личной встречи.

– М-да. Не вовремя, мичман, это приглашение. На мне единственная одежда, которую я имею. Поход к портным я наметил на завтра, чтобы пополнить свой гардероб. Сегодня мы в тир ходили, трофеи отстреливали. Я почти пятьсот патронов расстрелял. Руки до сих пор дрожат.

– И всё же.

– Хорошо, – кивнул я и повернулся к своему спутнику: – Ен, поднимись в квартиру и спусти аккордеон, я возьму его с собой. Меня ждать не надо, займись своими делами и ложись спать. Завтра всё по распорядку.

Часть слов я сказал на японском, да, понемногу начал делать успехи, хотя и учу новый язык не более суток, поражая Ена своими способностями. А что тут скажешь, память такая.

Кореец кивнул и стремглав бросился наверх, а я повернулся к мичману, всё же представившемуся – он оказался порученцем Макарова, Евгений Артурский, знаменательная фамилия, – и стал расспрашивать о гостях графини. Хм, было много морских офицеров. Интересная вечеринка.

Ен вернулся довольно быстро, так что, загрузившись в коляску, мы с мичманом покатали куда-то в сторону центра столицы.

Несмотря на опасения мичмана, Макаров меня дождался. Точнее, он в данный момент общался с несколькими офицерами в закрытой и даже охраняемой комнате. Так что меня, после того как сообщили о новом госте, провели в общий зал. Некоторые гости смотрели на мою простенькую одежду брезгливо, ну да, не кутюрье шил. Другие – или безразлично, или с интересом. Графиня, которая меня встречала, сообщила, что адмирал пока занят, нужно немного подождать, и, покосившись на инструмент, негромко спросила:

– Музицируете?

– Стараюсь.

– Нас тут поразили новым произведением, Наташенька Юсупова отличилась, привезла из Англии, а у вас есть что-то свежее?

– Есть пара композиций из Франции. Песня и просто музыка, без слов. Правда, там бы балалайку вторым номером, но я и без неё смогу.

Песенка «Иван, Борис и я» гостям понравилась, лёгкая и незамысловатая. И когда я сыграл музыкальную композицию, вызвал аплодисменты, ничего подобного гости не слышали. Они не обратили внимания, что я с трудом доиграл мелодию, силы были на исходе. Тут я себя переоценил. День тяжёлый был, а тут ещё и это. Устало сидя на стуле, переводя дыхание, я не сразу заметил, что гостей в зале прибавилось, в основном мужчин в военно-морской форме. Был среди них и адмирал Макаров. И ещё два адмирала.

Служанка графини пригласила меня в отдельный кабинет, туда же прошёл и Макаров. Поздоровавшись и познакомившись, он сразу перешёл к делу. Было видно, что основное, что я сообщил Соколову, он знал, но ему нужны были факты, и я стал говорить. Некоторые чиновники на Дальнем Востоке, преследуя свои шкурные интересы, довели базы флота до полной разрухи, отправляя ненужные запчасти или боеприпасы совсем в другие места. В общем, я пофамильно выдал их, сообщив, что те на крючке у англичан, платные агенты. Просто сдал. Об англичанах ничего не скажу, у нас и своих идиотов хватает, но пусть будет камешек в их огород. Сами виноваты. Но главное другое: разведка у военно-морского флота Российской империи имеется, а контрразведки, которая должна заниматься поиском шпионов, нет. Потому и ходят японские шпионы, переодетые под корейцев, по Порт-Артуру или тому же Владивостоку, как у себя дома. Вот я и посоветовал набрать спецов для поиска шпионов у жандармов. Макаров поморщился, но я развёл руками: сразу найти нужных специалистов не получится. Да и жандармам ещё нужно освоиться с военно-морской тематикой, которая им была совершенно незнакома. Пусть адмирал думает. Тот и думал. Сейчас он ничего не решал, но если его действительно направят на Дальний Восток, то многие мои советы придутся в тему.

Не думайте, Макаров не смотрел на меня как на мессию. Часть его вопросов были с подковыркой, да и в тоне так и сквозило сомнение, больше он изучал меня, мою реакцию на них и, главное, внимательно выслушивал ответы. Как я и думал, он явно старался составить своё мнение обо мне, не опираясь на чужие впечатления. Когда же мы коснулись темы минных транспортов, минных постановок, тактики использования миноносцев и возможности их дальнейшего развития – во французской военно-морской школе очень хорошо учили минному делу, а уж какая там была прекрасная библиотека! – то так увлеклись, что забыли о времени. На лице адмирала было плохо скрытое ошеломление. Он неожиданно узнал, что есть кто-то ещё, кроме него, хорошо разбирающийся в этом, да что хорошо – отлично. Придя в прекрасное настроение, адмирал стал по-отечески величать меня отроком.

Мы общались до полуночи, фактически до окончания вечеринки. Макаров выжал меня, как лимон, его интересовало всё, особенно кто я и откуда. Но расстались мы довольные друг другом, было видно, что я произвёл впечатление на него. Адмирал покати к себе, а я на квартиру к Ену. Он не ложился спать, всё-таки ждал меня. Приятно, даже грелку в постель положил, что произвело на меня впечатление. Кстати, сама грелка – это жуть: сковорода с крышкой на длинной ручке с углями из печи в ней, но прогрела хорошо. Приняв горячий душ, я забрался в кровать и не заметил, как заснул.

На следующий день мы стали действовать по нашим планам, я их не стал менять. Проехали к портному, которого мне в гостях у графини посоветовали как хорошего специалиста. Особо я усердствовать не стал. Пара повседневных костюмов, пальто, зимняя верхняя одежда, бельё и морской костюм, под военно-морской, но без знаков различий, правда, с фуражкой. У сапожника сделал заказ на несколько пар обуви. Тоже под разные нужды. Обещали сделать быстро. Ену выбрали три комплекта одежды слуги, тут были свои фасоны. Верхнюю одежду, зимнюю не забыл.

От парикмахера мы поехали к ближайшему частному врачу. Тот принял меня без проблем. Мы осторожно сняли повязки, в этом я ему помог, показав, как их смачивать чистой водой. Заживление шло хорошо, хотя на одной ноге была краснота воспаления. Я пожаловался, что ночью рана болезненно подёргивает. Врач промыл её и наложил новые повязки, посоветовав в ближайшее время обходиться без активных нагрузок. К своему здоровью я относился достаточно серьёзно, поэтому внимательно выслушал рекомендации, кивая на слова медика, и пообещал в ближайшую неделю не напрягаться и заглядывать к нему, чтобы он следил за состоянием ран. Врач выдал Ену пару склянок с мазями и запас бинтов, и кореец, с очень серьёзным видом выслушав его, поклялся тщательно присматривать за мной.

Время ещё было, в министерства заехать я планировал после обеда, поэтому мы прокатились до трактира «Лилия». Встреча была назначена на час. Осталось найти среди посетителей заведения нужного мне человека. Тимофея. Когда мы прибыли в трактир, увидели, что он полон. Тяжело опираясь на трость, я прошёл в общий зал и посмотрел на подскочившего полового.

– Что желаете? – спросил тот.

– Мне нужен некто Тимофей, из бывших солдат.

– Второй этаж, отдельный зал. Прошу за мной.

Мы поднялись за половым. К моему удивлению, ближайшее понятие этого зала было «читальный». Именно так. В нём под закуску и разные напитки люди изучали колонки газет. Ну или читали разные книги. Я не скажу, что зал был полон, однако с десяток человек в нём имелось. Половой провёл нас к окну, у которого сидел здоровяк лет сорока, со шрамом на щеке от сабельного удара, и поспешил удалиться.

– Тимофей? Я от Сергея, инструктора стрелкового тира на Залесной.

– Да, он говорил, – аккуратно складывая газету, кивнул тот и указал на место перед собой, предлагая присесть, при этом наблюдая, как я осторожно и тяжело сажусь. В его глазах мелькнуло понимание причины такой осторожности.

Никакой сложности набрать отряд не было. Тимофей уточнил, в какой сфере я буду его применять, и, узнав, что в основном на воде, хотя боевые операции на суше я не исключал, задумчиво побарабанил пальцами по столешнице. Он пояснил, что часть ветеранов, а он, оказывается, был главой небольшого совета ветеранов, откажется от моего предложения. Причина проста: личные лошади, которых они считают друзьями и которых не оставят. Однако и без них можно набрать охочих до реального дела людей. И Тимофей с ходу предложил четырнадцать бывших пограничников, причём включив туда и себя, унтер-офицера в отставке. Ещё было пять пластунов, очень редкие специалисты, с десяток артиллеристов, два казака, которых, возможно, удастся уговорить. Вероятно, будет один сапёр и, главное, два профессиональных пулемётчика, оба унтеры.

Мы с Тимофеем договорились, что завтра ближе к обеду он устроит демонстрацию, войсковой смотр, можно сказать. Встретиться договорились за городом. У многих бывших военных было своё личное оружие. Но снаряжение и вооружение в рейде будет на мне. Да всё на мне, включая обеспечение, обсуждением чего мы и занимались следующие полчаса. Я делал записи, подсчитывая. Точно определимся после смотра, а пока просто наброски. Перед уходом, чуть помедлив, я спросил у унтера:

– Тимофей Игнатич, вы не в курсе, у кого-нибудь из ваших людей есть среди личного оружия японская винтовка? Хотелось бы посвежее.

– Да вроде у Павла была такая, – слегка нахмурился тот, припоминая. – Из Маньчжурии этим летом привёз. Он там в добровольческих отрядах хунхузов гонял.

– Я бы хотел её приобрести в личную собственность с небольшим запасом патронов. С десяток хватит.

– Постараюсь узнать. Если она всё ещё у него, договорюсь о продаже.

– Вот за это спасибо. До встречи.

Время было к двум, и мы с Еном, пообедав тут же, в трактире, покатали узнавать, готовы ли мои документы.

Клерк, который занимался оформлением моего подданства, как только меня увидел, радостно бросился навстречу. Он подтвердил, что всё готово, и принял деньги, а я получил на руки документы.

Изучив паспорт, я поинтересовался:

– Когда будут готовы документы, разрешающие мне посещать заграничные государства?

– Оформление уже началось, но вы сами понимаете, это по отдельной цене.

– Конечно, понимаю. Давайте обговорим сколько и сроки исполнения. Мне снова нужны эти документы ещё вчера.

– Выполнимо, – кивнул тот.

Через пять минут я вперёд уплатил за работу как самому клерку, так и на заброс тому чиновнику, который оформлял местные загранпаспорта. Обещали выправить нужные документы к завтрашнему дню. Прибыть за ними лучше часам к трём дня. И я покинул министерство. Пролётка с Еном ожидала меня, так что мы сразу покатили к Главному адмиралтейству.

Там я попросил одного из служащих вызвать Гарина, и тот сначала провёл меня к себе. Надо сказать, своей работой он произвёл на меня отличное впечатление. На каждого моряка имел если не досье, то нечто похожее. Так что сначала я изучил данные на кандидатов, а потом мы покатили к морским казармам, где была назначена точка сбора. К нашему прибытию успело собраться человек сорок, ещё трое прибежали чуть позже и встали в строй с нашего разрешения.

Особых претензий у меня к добровольцам не было. Некоторые были одеты в откровенное тряпье, видимо, жизнь на гражданке не сахар, а так, в принципе, все крепкие мужчины, было видно, что специалисты знающие, что мне и нужно было. В общем, я подтвердил, что беру всех. Большая часть команды не имела своего угла, так что я по совету тёзки арендовал часть казарм, с котлом, и бездомные наёмники после смотра направились туда, семейные пошли по домам. Со мной остался клерк и шесть унтеров (остальные были матросами). Один унтер был боцманом на броненосце, другой – механиком машинного отделения бронепалубного крейсера, ещё двое – командирами орудийных башен, то есть артиллеристами, пятый командовал рулевыми, шестой вообще был минёром. В принципе, командные штаты я закрыл, укомплектовав. Офицеров Гарин сговорить пойти под мою руку не смог и после небольшого колебания поинтересовался, не заинтересует ли меня курсант военно-морского училища. Он не доучился, был отчислен по пустяковому поводу, а в действительности за лямур с женой одного из преподавателей. Я опытными людьми не раскидывался, хоть и недоучившимися офицерами, должен же кто-то меня подменять на вахте, так что дал добро. Завтра встречусь с Андреем Саламатиным, как звали несостоявшегося морского офицера, ну и с остальными добровольцами.

Когда всё было обговорено и у меня голова уже была забита тем, как обеспечить всех, теперь уже своих людей, мой тёзка, немного смущаясь, попросил отдельного разговора. Удивлённо посмотрев на него, я кивнул. Ен в это время приглядывал, как моя будущая команда устраивается в казарме, её сейчас начали протапливать, и как работает котёл. Кстати, система кормёжки в гвардейских казармах была организована немного странно. Не централизованно, а в каждой казарме были свои котлы и свои столы. Так что в пустую казарму, которую нам выделили (спасибо Макарову, сдержал слово), уже прибыл один из помощников местных флотских поваров гвардейского экипажа и, получив дежурных по кухне, начал творить, готовить на сорок человек. Несколько телег с продовольствием успело прибыть, чуть позже подойдут со свежим хлебом. Старшим в казармах я поставил бывшего кондуктора Севастьянова, боцмана. Он крепкий хозяйственник и неплохо командовал добровольцами. Во всяком случае, на начальном этапе.

– Я слушаю, – кивнул я Максиму, когда мы отошли в сторону.

До этого я общался с унтерами и кондукторами, изучая их, знакомясь, а они присматривались ко мне. Всё же не один месяц вместе проведём.

– Я хотел бы отправиться с вами, – прямо сказал тёзка. – С вашего разрешения, конечно.

– Вот как? – не очень удивился я. – В каком же качестве? Какую вы имеет флотскую специальность?

– Морское международное право. Я прапорщик по адмиралтейству и в случае войны обязан призываться на флот в этом звании.

– А как ваше начальство?

– Я сам решу эту проблему.

– Что ж, хорошо. Вы меня устраиваете. Я хотел бы видеть вас в своих замах по тыловому обеспечению, фактически по вашей основной специальности в Адмиралтействе. Сначала подумывал эти обязанности возложить на Севастьянова, но сейчас с ним пообщался и понял, что не потянет. Может, боцман он и отличный, но не тыловик.

– Моя задача в обеспечении отряда?

– Именно так. Согласны?

– Да, более чем. В этом я как рыба в воде.

Хорошо. Зарплата будет втрое по сравнению с тем, что вы сейчас получаете, но и отдача должна быть соответствующей. Первое – нужно оснастить отряд. Одеть его в однотипную морскую форму, можно гражданских моряков, даже нужно. А то посмотришь, и непонятно, не то банда какая, не то рвачи. У многих даже личных вещей нет, поэтому на каждого вещмешок, полотенце, посуда, средства гигиены. Это не всё, кроме смены одежды, нужно купить вооружение...

– Но?..

– Надо, именно надо. Не менее сотни винтовок Мосина, это реально? Патронов по пятьсот штук на ствол. Можно оформить их как охотничье оружие.

– Хм, сложно, но сделаем. Просто такие крупные партии частным лицам особо не продают, всё же армейское оружие. Могут быть проблемы со стороны охраны.

– Думаете? Ладно, закупим за границей. Проблем таких нам пока не надо. Дальше, учитывайте, что завтра в казарму помимо остальных моряков вселится ещё около тридцати мужчин, бывших солдат. Их я сам отберу.

– В каком качестве они потребуются?

– Для abordaja и охраны судна во время стоянок в разных портах, туземных, например... Давайте пройдем в казарму, там такого пронизывающего ветра нет, вон унтеры уже синеть начали.

Дальше мы разговаривали уже в помещении. Очень много вопросов нужно было обсудить. Найти судового врача. Зафрахтовать судно до Германии, через шесть дней оно должно покинуть порт Санкт-Петербурга и направиться в Киль. Поиски такого судна тоже были на Гарине. В общем, нагрузил я его конкретно. Когда уже вечерело, я поинтересовался у озадаченного Гарина:

– Максим Олегович, не скажете, где мне можно сдать экзамен на судовождение?

– Это вам нужно в училище гражданского флота. Там принимают платные экзамены.

– Адмирал Макаров согласился посодействовать с этой проблемой. Он велел обратиться к капитану второго ранга Барзину в вашем Адмиралтействе. Мол, тот решит её.

– Анатолий Игоревич? – удивился тёзка. – Знаю такого, но он архивом командует, кстати, оформляет моряков торгового флота по адмиралтейству. Я прапорщика через него получил... Хотя, да, он может посодействовать с этим делом, и также он вас сразу оформит прапорщиком по адмиралтейству, как и меня. Это входит в его обязанности.

– А-а-а, – понятиливо протянул я. – Интерес адмирала мне стал понятен. Я успею сейчас обратиться к Барзину?

– Нет, рабочее время уже закончилось. А вот завтра после десяти вполне можно.

– Благодарю, но хотелось бы после обеда. До обеда у меня смотр солдат.

– Это уже как вы пожелаете.

Посмотрев, как работает повар, вспомнили, что нужен кок, тоже внесли его в список. А радист? Его тоже вписали... После заключения контракта на работу я всем морякам выдал аванс.

Мы покинули казарму, когда уже стемнело.

Дальше дни полетели как суматошные. Солдат я набрал тридцать три при семи унтерах. Они освоились в казарме, получили вещевое обеспечение, включая новенькую форму, обычную солдатскую, но без знаков различия. Моряки тоже приоделись. В данный момент у меня под началом было почти сотня человек. Офицеров вот не было, только один недоучившийся, Андрей, парень всего на три года старше меня, он и командовал моряками. Над солдатами стоял Тимофей, и подчинялся он только мне. На нём была охрана, посты и патрули вокруг казармы. Это они к службе так привыкали.

Был зафрахтован пароход, старое грузопассажирское судно, на его борт уже загрузили запасы продовольствия, и на завтра было назначено отбытие. В данный момент, покинув казармы, на корабль переходила моя команда. Там Саламатин командовал. Кстати, как и я, он теперь числился прапорщиком по адмиралтейству. Фактически на халяву отхватил патент на это звание. А дело было так.

После того как я одобрил подбор ветеранов, командовать ими стал Тимофей, передислоцируя отряд в морские казармы, и я направился туда же. Гарин представил мне новых добровольцев-моряков, был там и Саламатин. Я с ним плотно так пообщался, узнал, что он никакой подтверждённой специальности не имеет, а выгнали его из училища буквально за несколько месяцев до выпускных экзаменов, то есть тему знает, вот я и направился вместе с ним к Барзину. Тот был предупреждён адмиралом и, хотя удивился, что нас двое, но, собрав коллегию офицеров, устроил нам форменный экзамен. Да, по многим темам мы откровенно плавали, точнее, плавал я, так ведь я и не собирался становиться морским офицером, не военный чай, так что полученным патентом на звание прапорщика по адмиралтейству был вполне доволен. Андрей получил такой же патент. Кстати, когда мы выходили с документами на руках, на его глазах были слёзы. Ну да ладно. Выдав ему аванс, я велел озаботиться пошивом формы, да и сам заехал к своему портному, заказав ему два комплекта формы морского прапорщика. Вот такие дела. Понимаю, у самого голова кругом идёт, но я реально спешил.

Больше мы с адмиралом не встречались, что меня сильно удивляло. Хотя не сказать, что и расстраивало, дел было множество, а времени не хватало. Да и покупкой квартиры в столице я озаботился. А то как же, подданным Российской империи стал, а своего угла не имею, у прислуги живу. Как такое может быть? И за три дня до назначенного дня отбытия я нашёл отличный вариант. Дом был построен этим летом в центре, на месте двух снесённых старых зданий. Заехав с подрядчиком, я выбрал восьмикомнатную квартиру на втором этаже второй парадной. Вот только стоимость её была такова, что у меня глаза на лоб полезли, на эти деньги можно было купить три морских судна. Раньше ходили слухи, теперь я им верю, что один купец предлагал за доходный дом в Питере золотой прииск в Сибири и владелец доходного дома отказался, такие у него были доходы. Дорого в столице было жить, очень дорого, ведь все стремятся сюда, а Питер не резиновый, вот и идёт война за метры. Тайная, но всё же. Значит, за квартиру Ена я не переплатил, как думал ранее.

Квартира мне реально понравилась. Дом имел всю необходимую инфраструктуру. Даже санузлов было два, один туалет из личных покоев, там же была чугунная ванна на витых ножках. Ещё один санузел недалеко от входа, у кухни. О планировке комнат я решил так. Личные апартаменты, то есть спальня, пара гостиных спален, кабинет, гостиная. Большая столовая. Комната прислуги, будет у меня кухарка или нет, позже увидим, но комнату приготовил. Отдельная комната, не самая маленькая, будет стоять пустой. После возвращения с Дальнего Востока я собирался устроить в ней небольшую мастерскую. В эту комнату даже дверь специальную установили со специфическими запирающими устройствами.

В квартиру я вбухал чуть ли не все свои средства. Да, именно так, почти вся наличка ушла на приобретение этой квартиры. Более того, я заказал подрядчику отделку и у мастеров-краснодеревщиков мебель. Это было не сиюминутное, а тщательно взвешенное решение. Да, я почти остался без средств, но все приготовления первого этапа выполнены, а где взять

деньги на остальные, я прекрасно знал. Уже спланировал, и осечек не ожидалось, хотя и такие случайности я просчитал.

В принципе, я предусмотрел вариант растраты финансов. Ведь как: снаряжаться на войну я собирался за счёт англичан. Да, часть оснащения я уже оплатил, это фрахт и команда, они получили всё, что необходимо, а вот покупку судна оплатят мне англичане, хотя они этого ещё и не подозревают. Да и не думаю, что когда-либо узнают, я же не дурак так подставляться. Пулемёты, другое вооружение стоит больших денег, и англичане мне помогут. Сами подталкивают Японию к войне, так получите.

Конечно, столько дел втиснуть в шесть дней было трудно, но мы справились. Зафрахтованное судно стоит на рейде в полной готовности, команда из тех, кто не имеет семей на берегу, на борту, и мы собирались. Весь мой гардероб я уже отправил на борт «Девы Марии». Этот пароход принадлежал одному русскому купцу, который купил его у испанцев и не стал менять название.

Так, все приготовления завершены, завтра утром отходим. Ен договорился с хозяином дома, которому он платил коммунальные услуги, о сдаче своей квартиры в аренду. Оплата за наём должна идти на счёт, открытый Еном в Русско-промышленном банке. У меня там тоже счёт был открыт, я положил на него пять тысяч рублей. Это так, чтобы был резерв. Неплохо было бы больше оставить как НЗ, но и эту сумму я с трудом выделил.

И вдруг на квартиру к Ену прибыл вестовой от Макарова. Повезло, что застал нас, а то мы постоянно в разъездах. Узнав о причинах его появления, я кивнул и, поправив морской сюртук, а я разносил морскую форму без знаков различия, направился к выходу. Вестовой верхом был, пришлось искать извозчика, нашли, и я покати к дому Макарова. Тот меня ожидал в своём кабинете. После взаимных приветствий и некоторых вопросов адмирал вдруг озадачил меня вопросом:

– Максим, ты знаешь, что тебе положен опекун?

– Да, я в курсе, но он мне не нужен. Во Франции навязали мне одного такого, так он сразу попытался руки в казну нашего семейства запустить, поэтому пришлось расстаться. Он погиб, кони понесли. Карета трижды проехала по его телу. Бывает и такое. Не люблю, когда лезут в мои дела, и особенно в душу.

– Бывает, – остро взглянув на меня, кивнул адмирал.

Свою кандидатуру на роль опекуна адмирал не предложил, одного из своих подчинённых подталкивал. Я обещал подумать. Заметив, что я особо на эту тему общаться не хочу, он повернул разговор на завтрашнее отбытие. Да и вообще на мою идею о помощи нашим в войне. То, что об этой моей инициативе мало кто знает, я был в курсе. Да я и сам держал причины набора людей в тайне. Их также просил держать язык за зубами. В команде Макарова было в курсе человек пять-шесть, не более. Конечно, слухи пошли, не могли не пойти, но официальная версия – мы отправляемся в Африку, там ещё хватает неизведанных земель. Такая информационная утка была проглочена, и особо нам не досаждала. Думаю, это из-за того, что в команде было двое, а то и трое человек от жандармов. Одного я вычислил точно, он из кондукторов, как раз спец по котлам.

Вопроса насчёт моего возраста и опекуинства я ждал давно. Несмотря на то что по документам мне было шестнадцать лет и два месяца, Макаров знал, сколько мне реально. Ещё при нашей первой встрече поинтересовался, и я не решился скрывать, назвав точный возраст. Да и в загранпаспорте был указан тот же возраст, и вроде без сопровождения я не мог выехать, но тут я легко решил проблему: оформил как сопровождающего Гарина, своего зама по тылу.

Зачем меня вызвал Макаров, я так и не смог понять, может, хотел убедиться в моём настрое, в желании довести дело до конца. Вроде и поговорили всего ничего, а два часа мигом пролетели. Никаких указаний от адмирала я не получил, да и встреча у нас, похоже, прошла

тайно, не афишировали моё прибытие к дому адмирала, так что покинул я особняк в некотором недоумении. Ну да ладно.

Свободного извозчика я смог найти только на соседней улице, но адрес назвал не квартиры Ена, а самого крупного музыкального магазина Питера. У меня там была заказана гитара, даже предоплата внесена. Добравшись до магазина, я с радостью узнал, что заказ доставлен. Я почти полчаса изучал гитару, настраивая и пробуя её. Очень неплохо. Прикупив запасных струн, подозреваю, что в походе будет проблема их достать, отправился на квартиру. Уже вечерело, все дела были сделаны, так что мы просто отдыхали, продолжая уроки японского языка. Неделя до конца не прошла, а я уже вполне сносно говорил и писал. Ничего, через пару месяцев и акцент уберу. Время ещё есть, может, и корейский подучу, пригодится. Ен ещё и китайский знал, но честно признавался, что говорил на нём с сильным акцентом.

Ночь прошла без сновидений, обычно сны постоянно снятся, и яркие, а тут как в яму погрузился и проснулся лишь утром, когда меня разбудил Ен на завтрак. Может, это от волнения, ведь сегодня стартуем?

– Как дела? – поинтересовался я у Саламатина, поднимаясь по шаткому трапу стоявшего на рейде судна. – Все на борту, опоздавших нет?

– Все, – кивнул Андрей. – Вы последние. Каюта уже готова, багаж там же.

Ен поднимался с двумя саквояжами, со своими вещами и моими, так сказать, ручной кладью. Слушая доклад Андрея, я прошёл к каюте. Устроившись в ней, я приказал капитану судна сниматься с якоря, пора отправляться. И началось немного нудное плавание.

Пароход наш мог выжать максимальную скорость в восемь узлов, но шёл на шести, не насилая механизмы. Так что путь до германского портового города Киль занял у нас три дня. Причём мы ещё в один из портов Польши заходили, бункеровку проводили, уголь котлы парохода жрали только так. В принципе хватить должно было, но оказывается, капитан ещё и попутный груз прихватил. У нас насчёт этого серьёзный разговор вышел, я фрахтовал всё судно, и ни о каких попутных грузах речи не шло, мы с этим заходом в Гданьск полдня потеряли. Мол, штраф за подобные махинации я предусмотрел в договоре фрахта, так что ждите санкции. Владелец морской судоходной компании об этом не знал, чисто капитанская инициатива, левая подработка, так что тот серьёзно струхнул. В общем, договорились, что капитан прибавит ходу, навёрстывая время, и больше от него проблем не будет, тогда и я забуду об этом недоумении. Так и договорились. В целом же команда отдыхала, готовясь к тяжёлому дальнему походу, ну а мы с Еном серьёзно занялись уроками, а то ранее всё урывками я учил японский, можно сказать, по ходу дела. Подвижки, конечно, были, Ен вообще в шоке был, но я считал, что можно улучшить результаты, и к этому шёл.

Прибыв в Киль, мы стали действовать, как договорились. Капитан «Девы Марии» встал на дальнем рейде и спустил шлюпку, чтобы отправиться в администрацию порта оплатить стоянку. Я за это время поставил перед Саламатиным и Гариным задачу. Они должны найти самое быстрое судно, яхту или какой другой тип корабля. Офицерам нужно осмотреть его, испробовать, в чём будет участвовать и часть специалистов из команды, и договориться о продаже. Всё это не за один день, возможно, даже не за неделю. Поэтому «Деву Марию» я и зафрахтовал на месяц, и этот месяц она будет стоять здесь, в порту Кили, являясь и местом проживания команды. Фигня, что так дороже выходит, зато можно избежать многих проблем на берегу.

Когда вернулся капитан, я, собравшись, решил покинуть корабль. Работа у парней есть, пусть ею занимаются и ожидают моего возвращения, а у меня слишком много дел. Тимофей, когда я набирал команду, договорился всё же о продаже японской винтовки, правда, к ней было всего три патрона. Думаю, хватит, а большего мне и не нужно. Сейчас винтовка находилась в чехле за спиной Ена, который, естественно, отправлялся со мной. Багаж мы не брали,

на мне была простенькая одежда, ещё та, приобретённая в Москве, ну и смена белья в саквояже, переодеться я планировал в Киле, чтобы не привлекать внимания. Помимо Ена со мной отправлялись ещё двое. Один – бывший пограничник, второй – казак. Ещё когда я договаривался о найме бойцов, то попросил подобрать мне личных телохранителей, вот Тимофей и расстарался. Конечно, они не профи, но за время пути к Килу основы я им дал, так что не должны оплошать. Мы вчетвером с небольшими сумками, кофрами и саквояжами спустились в шлюпку, где нас ожидали двое матросов из команды «Девы Марии». Они доставили нас в порт. Там мы прошли таможенные процедуры, оформили только нас с Еном, бойцы прошли как сопровождение, о чём в их документах были поставлены отметки.

– Поймай извозчика, – велел я Игнату, одному из телохранителей.

Пока тот, отойдя, знаками подзывал наёмную коляску, я пообщался с таможенником. Тот имел нужную информацию и подтвердил, что в Англию сегодня уходят аж два судна: английское и русское, последнее рейсовое, постоянно по этому маршруту ходит. У него же я разменял пару английских фунтов на местные деньги, а то даже извозчику заплатить нечем. Когда коляска подъехала к нам, я уже знал, когда оба судна отходят. Российский сухогруз – через час, но он мне и не нужен, а вот английское – через четыре часа, это в три часа пополудни.

О свободных каютах на «англичанине» тот ничего не знал, хотя и подтвердил, что пассажиров они берут. Ничего, чуть позже узнаем. Сейчас у меня были другие планы. Поблагодарив словоохотливого немца, я сел в коляску, рядом устроились Ен и Игнат, а второй телохранитель, Степан, сел рядом с кучером, грозно поглядывая по сторонам. Парни не были вооружены, стволы имелись только у нас с Еном, за эти дни мы привыкли носить оружие и уже не обращали на него внимания. Но сейчас меня интересовало как раз оно, и ехали мы в крупнейший оружейный магазин Килы. «Браунинги» – просто великолепное оружие, но уж больно массивное для скрытого ношения, и я собирался приобрести нечто схожее, но меньшего размера, типа «мелиор», они уже должны пойти с конвейера. Их в будущем будут называть «старые модели», так как после тысяча девятьсот десятого года появятся «новые модели». Мне приходилось держать в руках модели обеих серий, вполне неплохое оружие. Магазины тоже на семь патронов, но бывают и на шесть.

Игнат остался охранять наш багаж, а мы прошли в оружейный магазин. Выставленных образцов оружия хватало, даже я был впечатлён, и что меня удивило – в продаже было и русское оружие. Винтовки Мосина и «винчестеры» под тот же патрон. Средств у меня было не так и много, чтобы раскидываться ими направо и налево, но в магазине всё же я потратился. Купил десять винтовок Мосина, подсумки и по пятьсот патронов к каждому. Помимо карабинов, для охраны судна пока, для организации постов я приобрёл ещё пять охотничьих карабинов местного производства. Я не удивился, что «Маузеры-K96», те самые, с деревянными кобурами, с которыми так любили щеголять комиссары в годы гражданской войны в России, имели такое обозначение. Их, в принципе, и создавали как охотничье оружие, это потом оно уже обрело такую славу. Это оружие было очень дорогое, но пять единиц я купил, ну и по триста патронов к каждому. Один «маузер» с запасом патронов убрал в мой саквояж, другие подготовили к отправке в порт. В продаже были «мелиоры», взял две единицы, под них – кобуры скрытого ношения и с десятков магазинов, не забыв приобрести средства чистки и патроны.

Купив ещё пару ножей из отличной стали, я пообщался с директором и по совместительству хозяином магазина. Мне нужно было договориться о покупке сотни «Маузеров-K96» и девяти десятков винтовок Мосина. Это на будущее, да и патронов нужно было много. Тот, уточнив, к какому сроку мне это всё нужно, пообещал всё подготовить, но потребовал предоплату. Мысленно поморщившись, это был мой НЗ, я выдал продавцу две тысячи английских фунтов. Пришлось и договор составлять. Никуда не денешься, оформили, в объяснительной записке о причинах покупки такой партии вооружения пояснил: охрана экспедиции в Африке и охота. Хозяин магазина пообещал, что проблем от властей вообще не будет, со смехом добавив,

что если я пожелаю купить пушку, то и это пожалуйста, заинтересовав меня. Правда, тему на предмет приобретения морской пушки я оставил на потом, когда вернусь из вояжа в Англию.

Покупки уже подготовили и погрузили на повозку, так что мы сопровождали их до пирса, там я нанял большую лодку и, когда парни погрузили в неё всё, оставил их на пирсе, отправившись один обратно на «Деву Марию». Саламатина на борту не было: прихватив отставного кондуктора Васильева, начальника машинной команды, он уже отбыл осматривать какое-то судно, выставленное на продажу. Выяснилось, что в Киле таких было аж тринадцать штук, вот он уже и стал выполнять поручение. Меня встретил Тимофей, груз как раз предназначался ему, Гарина тоже не было, он отбыл в порт. Пока моряки и солдаты поднимали покупки на борт, я демонстрировал особенности «маузера», прикрепляя к нему кобуру и поясняя на словах:

– ...Сама машинка, конечно, пока сырая, но если будут подходящие технические мощности, я смогу довести их до совершенства, даже можно будет стрелять очередями. Но это потом. Сейчас у вас на руках четыре единицы, ваша задача изучить пистолеты от и до, что вам, что морякам. Я собираюсь приобрести их на всех, поэтому изучайте и ещё раз изучайте. Оружие особо не демонстрировать, пусть винтовки лежат во временном арсенале. Я уточнил на берегу, за Килем есть пара глухих мест, где можно хорошо пострелять. Тут на лодке добраться не проблема. Там пешком с километр, и будут холмы. Организуете учебные стрельбы. Патронов вам должно хватить. Хотя бы по пять каждый должен выпустить, чтобы почувствовать оружие. Позже будут ещё патроны, но это после моего возвращения. Ладно, занимайтесь.

Оставив команду на борту, я добрался до стоявшего на рейде «англичанина» и, выяснив, что места есть, оплатил две каюты. Одну одноместную улучшенной планировки и одну трёхместную.

Когда я вернулся в порт, мы на коляске покатали в сторону магазинов одежды. Дорогую я не брал, приобрёл себе два повседневных костюма неплохого пошива, Ену один комплект и по одному комплекту охране, но в более простом исполнении. Только после этого мы вернулись в порт и на наёмной лодке добрались до «англичанина», где и устроились в каютах. А через час судно отбыло. Что самое интересное, «англичанин» собирался зайти в Копенгаген взять какой-то попутный груз, и, несмотря на то что стоять мы там будем всего несколько часов, я собирался узнать насчёт пулемётов «мадсен», которые производились как раз в столице Дании. Имелось желание приобрести сотню машинок под русский патрон. Если не получится под русский, можно под местный, заодно придётся прикупить большое количество патронов. Да и если будет возможность, то и две сотни пулемётов приобрести было бы не плохо. Только вот светиться самому мне не хотелось категорически. Эту проблему я собирался решить в Англии, наняв там ушлого пройдоху, чтобы все следы вели к англичанам, а не ко мне. Если что, купил пулемёты у англичан, вот документы. Пусть перекупщики, главное, что продать смогли, вот пускай потом англичане среди своих и ищут пятую колонну. Отмазка вполне неплохая получается, вот её я и решил использовать. А пока судно медленно выходило из порта, направляясь в Данию. Оттуда уже был прямой рейс в Портсмут.

Покинув корму, где был вид на удаляющийся порт Киля, я направился к себе. Там Ен полдник готовил, да и уроки ждали, учиться нужно, как завещал Ульянов-Ленин. О, кстати, вернусь после русско-японской кампании – загадывать не хочу, если вернусь, на войне всякое может случиться, – навешу этого Ульянова. Революции в этой истории точно не будет, уж я-то позабочусь.

– Багаж грузите в обе коляски, – велел я нанятым мной носильщикам.

Позади гудели паровозы лондонского железнодорожного вокзала, который мы только что покинули.

Игнат и Степан поглядывали по сторонам, больно здесь мелочи детской много, кошелёк уведут вмиг. Мы с Еном заняли первую коляску, охрана устроилась во второй, и покатали в

один из отелей столицы Великобритании. Командовать приходилось мне, как и вести все переговоры, никто больше английского языка не знал. Более того, пока мы были на пути к островитянам, я успел подробно обговорить, что мои спутники будут делать в Великобритании. И тут всё просто. Ен – богатый купец из Китая, прибывший в Англию, Игнат со Степаном – его телохранители, ну а я самый обычный переводчик, нанятый на время пребывания на острове. Именно под таким видом мы и заселимся в отель. Причём парням в присутствии свидетелей я категорически запретил говорить на русском, только когда они останутся одни. Их задача – за всё время пребывания в Англии вести праздную жизнь, посещать разные достопримечательности. В общем, отдыхать. Причём до самого отъезда видеться мы будем редко. Чем именно я займусь, они не знали, да и не должны знать. Я лишь сказал, что у меня здесь назначена встреча с моим знакомым из Генштаба флота Великобритании. Ен с Игнатом просто приняли это к сведению, а вот Степан насторожился. Угу, точно для пригляда приставлен. Ну и пусть.

Конечно, наши документы могут нас выдать, тем более по прибытии мы прошли таможеню. Так ведь и мы с Еном не сидели сложа руки. Сфабриковали поддельные документы на китайском, к нему сопроводительные на английском, ну и подделали метку таможи, сшивая её со своих документов. Так что тут мы прикрыты.

С заселением проблем не возникло. Оплатил я за десять дней вперёд. После этого мы немного погуляли. На прогулке мы разделились: Ен с телохранителями отправился в отель, а я, поискав, снял небольшую квартиру на то же время. Потом нашёл театр и купил у работника вполне неплохой набор гримирования. До темноты ещё успел приобрести несколько комплектов одежды, всё это доставив в снятую квартиру. Вернувшись в отель, я сопровождал Ена в ресторан, где тот пообедал, и ушёл к себе в номер. Ну что ж, приступим.

На следующее утро, когда я заглянул в номер к Ену, тот спросил на японском:

– Что нам дальше делать?

– Делаете то же, что и вчера со мной. Гуляйте по городу, любуйтесь красотами, посещайте заведения, деньги на карманные расходы я вам дал. Почти последняя наличка. Бордели посетите, они тут имеются на окраине. Отдыхайте. Я же пока буду решать проблемы.

Что делать, все трое знали, всё же я их достаточно серьёзно подготовил, так что спокойно покинул отель и направился к своей квартирке. Проверка по пути показала, что слежки не было, так что, переодевшись, я направился к одному из самых крупных банков. Да-да, деньги я собирался добыть путём грабежа. Наблюдал сразу за двумя банками в течение трёх дней, делая попытки проникнуть в оба. Как оказалось, достаточно плёвая задача, главное, нейтрализовать живую охрану. Когда подготовка была завершена, я посетил несколько магазинов, купив шесть больших чемоданов. Это я, конечно, хватил, но надеюсь, хватит. Более того, в одном из немецких банков на своё настоящее имя забронировал большую ячейку сроком на пять лет, сразу уплатив за неё. Денег на эту оплату уже не было, пришлось поработать на железнодорожном вокзале, чтобы набрать нужную сумму. Вспомнил, как говорится, молодость. Да и почему нет, раны благополучно зажили, и я уже приступил к серьёзным тренировкам, разрабатывая тело, фактически вернуть его к прежним навыкам.

Помимо покупок чемоданов, их планировал использовать для вывоза наличности, я арендовал химическую лабораторию, чтобы проводить там некоторые опыты. Всё, что нужно, я прикупил в медицинской лавке. Так же посетил железнодорожные мастерские, очень там по сравнению с другими мастерскими оборудование неплохое было. Полдня работы – и глушитель для пистолета готов. Я его на «маузер» собирался накручивать, да и резьбу под него накрутил. Потом побывал на пустыре. Звук выстрела, конечно, был приглушён, но механизм пистолета громко лязгал, сводя на нет всю идею с глушителем. Пришлось и с ним поработать в мастерской, и я настолько увлёкся, что переделал пистолет, установив переводчик одиночной и авто-

матической стрельбы. Проверил, работает отлично, да и заметно тише лязгать стал. Запасной ствол у меня был, и, если откажет, воспользуюсь им.

Когда приготовления были закончены, на четвёртую ночь нашего пребывания на территории Великобритании, я начал действовать. Едва стемнело, хотя народу на улицах хватало, я подъехал на коляске, которой сам же управлял, к зданию главного банка Лондона. Куда делся хозяин коляски, кучер, лучше не спрашивать, в таком деле свидетелей не оставляют. Привязав поводья к коновязи, я скрылся за задним двором банка. Никакой сигнализации здесь не было, кроме натяжной. Потянешь дверь – и зазвенит колокольчик в комнате у охраны, об электронной сигнализации даже и вспоминать не стоит, рано для неё.

«Маузер» сработал как надо, и охрана из трёх человек так и осталась в своей каморке. А я побежал в хранилище. За пару минут вскрыв две бронированные двери, я добрался до сейфа. Ничего похожего, что я видел в будущем, тут не было, огромная толстая полукруглая дверь, что открывалась, давая доступ в хранилище, отсутствовала, не те технологии. Большая комната, оббитая металлом, была, как и тяжёлая сейфовая дверь чуть меньше моего роста, но и только.

Думаю, вскрыть замок хранилища я бы смог, но у меня просто не было столько времени, чтобы тратить его на взлом. Я решил пойти более простым путём, заранее подготовившись. Достав из сумки склянку, стараясь не капнуть на себя, я полил на петли двери. Они начали дымиться, поэтому, закрыв тряпицей рот и нос, я рванул из помещения. Средство отличное для размягчения металла, но уж больно ядовитое для дыхания.

Пришлось подождать минут десять, правда, сиднем я не сидел, мне было чем заняться. Сбежал на улицу к коляске и в три приёма принёс чемоданы. На это хранилище я возлагал самые большие надежды. Когда, по моим прикидкам, прошло достаточно времени, с замотанным лицом я вернулся обратно в хранилище и стал махать полотенцем, проветривая помещение. А потом сунул в щель фомку со стороны петель, последние капли стекла на пол с частью рамы, пузырясь, и, трижды дёрнув, я просто вывалил створку из косяка. Думаю, всё здание содрогнулось, когда створка плашмя рухнула на пол. Тяжёлая оказалась. Вот и всё, доступ в хранилище открыт. Держа керосиновую лампу над головой, я прошёл внутрь, осматривая стеллажи.

– Неплохо, – погладив жёлтые тяжёлые бруски, пробормотал я и подошёл к небольшому сейфу в углу. – Сейф внутри сейфа. Как интересно.

Осмотрев небольшой сейф, я решил пока его не трогать, хотя проблем со вскрытием с моей универсальной отмычкой не видел. Кислоту эту изобрёл один химик в пятнадцатом году моей первой жизни, в той, после которой меня с семнадцатого этажа сбросили. Выложена она была в Сети всего два часа, пока спецслужбы не подсустились и не затёрли. Сам химик пропал из жизни, больше о нём никто не слышал. Но охотиться начали даже на тех, кто скачал информацию. Я её не скачивал, поэтому на меня не вышли, купил флешку с нужной информацией у одного хакера. Поработал в лаборатории, пытаюсь создать по формуле, что намутил тот химик, и обалдел. Любой металл из восьмой группы разъедал он очень быстро. Раскладывал на составные. Чуть позже, когда кислота испарится, от металла на полу останется лишь кучка металлизированного песка. Правда, в той жизни мне эти знания негодились, а тут – пожалуйста, как раз в тему.

Заташив все чемоданы, я открыл два и стал снимать с полок пачки денег, были английские фунты разных номиналов, хотя встречались и французские франки, и немецкие марки. Даже рубли были. Валюта была складирована отдельно, но до неё очередь тоже дойдёт. Когда оба чемодана были набиты банкнотами, я их волоком утащил к входу, так как поднять просто не мог, оставил у запертой двери. После чего вернулся и стал набивать следующую пару. Они тоже были заполнены полностью. Хранилище поразило меня своими запасами. Вот на пятом чемодане английские фунты закончились, едва половину набил, поэтому стал брать валюту. Ушла вся в него и в шестой чемодан.

Дальше довольно сложное дело. Подогнав коляску к дверям и поглядывая по сторонам, чтобы первым заметить патруль, я по очереди перетащил все шесть чемоданов в коляску. Ресоры, мне кажется, просели чуть не до земли, не думал, что будет такой груз, но это не помешало мне запереть банк и, стегнув коня, неторопливо направить его в сторону съёмной квартиры. На мне была шляпа с длинными полями и плащ, скрадывающий фигуру. Со стороны я напоминал настоящего извозчика. На центральные улицы я не выезжал, ещё не хватало, чтобы меня кто остановил, мало ли кому куда ночью приспичит. К счастью, за всё время пути, кроме двух ночных патрулей, больше никто не повстречался. Было несколько карет и колясок, кто-то на других улицах при свете фонарей мелькал, но я обошёлся без чужого внимания.

По-тихому перетаскав чемоданы в квартиру, благо снял её на первом этаже с отдельным входом, и освободив от денег, вернул их в коляску и покатил обратно.

Работал я всю ночь, всё возил на квартиру золотой запас банка, почти четыре тонны в разнофунтовых слитках, умаялся. Вывозил по шестьсот килограмм за раз, часть слитков набивал в чемоданы, остальными обкладывал их по сторонам, а сверху накрывал одеялом, взятым из комнаты охраны, и инкассаторскими мешками. Приходилось постоянно смотреть, чтобы слитки при тряске не вываливались, пару раз такое было, звон услышал. Одно хорошо, моя квартира располагалась в соседнем квартале, специально так подобрал. Ехать неспешным шагом не больше трёх минут. Дольше грузил и выгружал, чем вёз. Вот таким неимоверным напряжением сил я всё золото и вывез. Самому не верится. Так что хранилище опустело.

С золотом самые большие проблемы были: в чемоданы больше двадцати кило не погрузишь, просто не унесу, а если даже унесу, то так выложусь, что на остальное сил не хватит, вот и приходилось эти самые силы беречь. Так что в чемодан слитков килограммов на пятнадцать грузил, относил в коляску. У дома сперва бегал с сумками, куда складывал золото килограммов по пять, а когда чемоданы показывали дно, остальное уже нёс в них. Так удобнее было, чуть дольше, зато сил меньше тратил, больше бегать приходилось. Вот так я четыре тонны золота за шесть поездок и вывез, выходило где-то по шестьсот – семьсот кило за одну поездку. Меня под конец уже шатать начало, но просто жаба душила хоть что-то бросить. А коляска выдержала, думал, развалится, но нет.

В конце последнего вывоза слитков капнул на петли дверцы сейфа, что находился внутри хранилища, и кислота разъела их. Когда я вернулся после шестой поездки за последними слитками, в хранилище их шестьдесят штук оставалось, то, осмотрев сейф, неопределённо хмыкнул. Драгоценные камни мне здесь уже встречались, в шкатулках на стеллажах, я их тоже забрал, а тут весь сейф был забит холщовыми мешочками с крупными необработанными алмазами. Килограммов сто пятьдесят будет. Погрузил их с остатками золота, перетащил чемоданы в коляску. И хранилище было полностью вычищено. Конечно, в соседнем помещении были банковские ячейки, но мелочовкой я решил не заниматься, поди угадай, какая ячейка пустая, а в какой есть что ценное. Они же все закрытые.

Заперев банк, убедившись, что своих следов я не составил, даже гильзы подобрал, покатыл обратно. Выгрузил чемодан с последними трофеями на квартире и покатыл на окраины столицы Британии, где и бросил коляску. Тут трущобы, без присмотра ничего нельзя оставлять, уведут быстро. Так и оказалось. Не успел я дойти до угла перекрёстка, послышался перестук копыт. Невысокая фигура на козлах погоняла усталого коня, который сделал так много работы по вывозу добра из банка. Вот так от улик и избавляются. Проверившись несколько раз, использовав средство от собак, мало ли где попробуют пустить, уже при свете дня вернулся в квартиру. Переоделся, смыл маскировку, снял парик и завалился спать. Я слишком устал, чтобы что-то ещё делать. Пистолет под рукой, остальное не важно, отобьюсь.

Проснулся под вечер, и, к сожалению, не сам. Раздавался требовательный стук в дверь. Проверив «браунинг», я подошёл к двери и, приставив к ней ствол пистолета, спросил:

– Кто там?

– Это мадам Эльза, хозяйка дома. Мне квартиросъёмщица из соседней квартиры, вернувшись с работы, жаловалась на шум ночью в вашей квартире. Хотелось бы разобраться. Когда вы снимали квартиру, мистер Джонсон, то обещали тишину.

Сразу после того, как неизвестный представился, я опустил пистолет ниже, хозяйка дома была маленького роста. При выстреле пуля, преодолев доски двери, полетит у неё над головой, а вот сейчас нормально. Это я машинально.

– Что?! – возмутился я. – Да это я хотел пожаловаться на соседей. Вы говорили, что тут тихо, а меня всю ночь донимал шум от соседей.

– Всё же мне хотелось бы осмотреть вашу квартиру. Откройте дверь, пожалуйста.

Я с сомнением обернулся: через дверь в гостиную были хорошо видны штабели золотых слитков и небоскрёбы пачек банкнот, как только я мимо них прошёл, не завалив ни одну, двигаясь, полусонный, на стук? Нет, дверь нельзя открывать ни в коем случае.

– Извините, мадам Эльза. Но нет. Как же пункт нашего договора о съёме квартиры, где ясно указано, что на все десять дней это моя частная территория? А тут вы ломитесь ко мне. Так не пойдёт.

– Хорошо, мистер Джонсон, но я вам делаю первое и последнее предупреждение насчёт ночного шума. Если он повторится, я буду вынуждена выселить вас, не вернув оплату за аренду квартиры. Это тоже есть в договоре.

– Ясно. Спасибо. Однако всё же повторю: шумел не я. Не хочу брать на себя чужие грехи.

Хозяйка дома за дверью фыркнула, и послышались удаляющиеся шаги, а я, негромко вздохнув, с некоторым облегчением, обернулся. Шумел всё же я, часть слитков кучей вываливал, тут волей-неволей нашумишь. М-да, хорошо поработал. Тут одной наличкой только в фунтах миллионов десять будет, если же остальное считать, то около пятидесяти миллионов выйдет. Российских рублей в банкнотах миллион с лишним. Хорошо затарился.

Посмотрев на часы, я увидел, что до закрытия банка, где арендовал ячейку, остался час. Почему бы не начать ныкать добытые трофеи прямо сейчас? А потом уже точно подсчитаю.

Вернувшись в гостиную, я осмотрелся и, балансируя в проходах лабиринта трофеев, добрался до кухни, там быстро поел, похватав остатки вчерашнего обеда, проверил, как занавешены окна, и, пододвинув один чемодан, задумался. Самое проблемное – золото. Проще говоря, самое тяжёлое, поэтому я решил отвезти в банк именно его. Малую часть, едва два с половиной процента. Быстро распределил в четырёх чемоданах по несколько слитков, сто кило общим весом, плюс пару мешков с алмазами, ну и с десятком пачек банкнот. Больше класть смысла не было, в чемоданы ещё влезет, а в банковскую ячейку уже нет. С золотом ещё нужно разобраться, я-то к килограммам привык, а слитки – в фунтах, английская весовая мера. Просто на глазок покидал их, прикинув, чтобы было чуть больше двадцати кило в каждом чемодане. Вот и выходило по двадцать пять кило в каждом. Только всё равно чемоданы получились неподъёмными. Однако надрываться не хотелось. Хотя и есть такая поговорка: своя ноша не тянет, но ещё как тянет.

Прихватив документы, я с трудом вынес чемоданы наружу, насторожённо поглядывая по сторонам. Убедился, что квартира заперта – я замок заклинил, мало ли, хозяйка решит проверить в моё отсутствие, что тут гремело. Остановив свободную коляску, вместе с кучером поднял чемоданы, ой, чую, палево, и мы проехали к банку. Успел за полчаса до закрытия. Служащий банка отвёл меня в хранилище, открыл ячейку и оставил одного, и я стал аккуратно штабелями убирать трофеи. Всё же две пачки банкнот не поместились, пришлось бросить их в пустой чемодан. Заперев ячейку и убрав ключ в карман, я покинул банк. Кстати, об ограблении уже ходили шикарные слухи, весь город знал, как опустошили его.

Дальше я действовал стремительно, но стараясь не бросаться в глаза. В порту арендовал склад, куда постепенно вывез все свои трофеи, забив ими купленные два десятка ящиков. Как транспортное средство использовал грузовую повозку без возницы. Арендовал в порту же. А чемоданы, которые за это время немного поистрепались, накрывал рогожей. Так что непонятно было, что я везу по городу. Работал частично днём, но больше ночью. В этот раз старался не шуметь, чтобы «домомучительницу» не тревожить. У меня дело серьёзное, нельзя вот так влететь в неприятности.

На перевоз ушло ещё три дня. Вот вывезти трофеи из Англии будет сложно, я уже убедился, что таможня серьёзно зверствовала, проверяя грузы. Проверят они и мои. Поэтому я решил провести отвлекающий манёвр. В принципе, я так и так это хотел сделать, а тут такое удобное обстоятельство, одно к одному. Кстати, когда я всё незаметно вывез, используя большую сумку, чемоданы под конец больше не мелькали, ко мне с проверкой заявились полицейские. Осмотрели квартиру, хозяйка присутствовала, проверили документы и ушли ни с чем. Поздно, ребятишки, уже ничего здесь нет. Хозяйка дома навела, зуб даю.

Проведав, как там мои ребята, нормально ли отдыхают, радуются ли жизни, хотя и обеспокоились, что несколько дней меня не было, я забрал винтовку с теми тремя патронами, что к ней были, и отбыл. Под присмотр Ена я лишь оставил чемодан с миллионом фунтов, это на приобретение всего, что было спланировано, должно хватить.

Когда я изучал подходы и системы охраны банков, заодно проштудировал несколько особняков, к которым сейчас и направился, взяв извозчика. То, что при мне была винтовка, с виду непонятно, она находилась в жёстком музыкальном кофре, а я реально шёл на убийство, имитируя действия наёмного убийцы. Грим был наложен, броская одежда, музыкальный кофр от трубы. По размеру он один подходил под гитару. В общем, глазу зацепиться не к чему, смою грим – и никто не опознает.

Отпустив коляску и зайдя в подъезд многоквартирного дома, я поднялся на чердак и, подойдя к слуховому окну, тут всё было подготовлено для лёжки, стал собирать винтовку. К сожалению, она была пристреляна не мной, но ничего страшного, бывший хозяин сообщил, что бой у неё неплох.

Достав небольшой бинокль, я присмотрелся. Отлично, полдень выходного дня, хозяин кабинета был на месте. Особняк принадлежал действующему премьер-министру Великобритании. Так что, положив ствол винтовки на подложенную доску, крепко прижал приклад к плечу и, прицелившись, выстрелил. Пуля, преодолев восемьдесят метров, пробила два стекла, оставив в них маленькие дырочки, пошедшие трещинами, и пронзила лоб Бальфура. Посмотрев в бинокль на брызги мозгов на картине за его головой, я убрал винтовку, подхватил кофр и покинул чердак. Ушёл спокойно, на меня даже внимания не обратили, только спрашивали друг у друга, что это такое грохнуло.

Следующим был один из крупнейших банкиров Британии, который частично спонсировал войну с Японией. Тут для винтовки места не было, пришлось действовать пистолетом. К счастью, дома он был фактически один, прислугу я не считаю, так что убить его прямо в столовой труда не составило.

Третий – чиновник военного Адмиралтейства, как я узнал, несмотря на выходные, он был на службе, и его я застрелил при выходе из здания. Этот офицер имел прямые контакты с японцами, передавая им разную информацию и руководства к действиям. Естественно, через своих людей, но все нити управления были сосредоточены у него в руках. Он вышел с группой офицеров, также будучи в форме военного моряка. Его спутники поначалу не поняли, почему тот упал, и шутками пытались поднять его, но вдруг послышался вскрик. Один из офицеров испачкал руку кровью, и стало понятно, что упал тот не просто так. Как же повезло мне с заводским гудком, что заглушил выстрел! Вот здесь я винтовку оставил на месте, почти на

виду. Найти её легко, и британцы легко определяют, чьё это оружие. Я по привычке протёр его тряпицей, хотя до дактилоскопии ещё не дошло. Точно не скажу, но вроде не дошло.

На следующий день выяснилось, что таможенники совсем озверели, но проверяют в основном пассажиров, на грузы сейчас меньше внимания. Я докупил ящиков с мебелью, а также несколько десятков бочонков с вином. Зафрахтованное судно ждало. Потом была погрузка, всё со склада было отправлено в трюм каботажника, таможенники всё же прицепились, проверили пару ящиков сверху, там была мебель, ещё и один бочонок вскрыли. Он был маленький, пришлось презентовать, зато больше никто не обращал на нас внимания, а уже к вечеру мы подходили к Гавру.

Я собирался арендовать речное судно, чтобы доставить груз в Париж, палиться перед англичанами не хотелось. Так что последовала разгрузка в пути, каботажники нашли другой груз и отправились обратно к своему острову, а я, найдя речника, дождался загрузки, и уже ночью мы направились к устью Сены. Как сообщил капитан речного судна, доберёмся за пару дней, реку он знал как свои пять пальцев. Его самоходная баржа на паровом ходу уверенно вошла в устье реки и двинула дальше, освещая речные воды прожектором. Смелчак, ходить ночью по реке.

Облокотившись о леера, я наблюдал, как надрывается небольшой буксир, да и машина нашей самоходной баржи работала на пределе, по палубе так и пробегала дрожь, однако всё же на мели мы сидели крепко. Зря я на капитана понадеялся, одним словом – англичанин. Да-да, капитан баржи оказался англичанином по происхождению и французом по паспорту, так что, наблюдая за потугами буксира, я ругал его на все лады. Вон уже почти сутки на мели сидим. Да, до Парижа немного осталось, не больше ста километров, однако их ещё нужно пройти. Буксир попробовал сделать ещё один рывок, и так же безрезультатно. Вот он отошёл в сторону и приблизился к нашему правому борту. О чём переговаривались капитаны судов, я не слышал, но команда вдруг забегала и стала поднимать снятую мачту, чтобы поставить парус. Проверив ветер, я поняливо кивнул: он был попутный.

Капитан уже собрался было отдать приказ разгрузить судно, свежая моя ящики и бочонки на берег, но очередная попытка привела к успеху, баржа снялась с мели, так что мы направились дальше в сопровождении буксира. Он мимо проходил, вот его капитан и решил подзаработать и всё же помог снять нас с мели, он же и провёл по руслу до самой столицы Франции.

Прибыли мы ночью, а уже с утра я арендовал небольшой пустой склад, и все мои ящики с бочонками были перевезены в него. Я внимательно наблюдал, чтобы действовали крайне аккуратно, а то вдруг уронят, и посыплется золото или банкноты. Боцман после того, как трюм был освобождён, ползал внутри, проверяя корпус на повреждения, к счастью для них, меля обошлась им дёшево.

Дальше было просто: раз я для русских из Франции и у меня здесь якобы есть дом, значит, нужно решить этот вопрос. Я проехал к градоначальнику, и один из его клерков показал мне список продающихся на окраине столицы небольших особняков. Мы прокатились на наёмной коляске, и в третий дом я буквально влюбился. Его продавали вместе с обстановкой. Дом не дворянский, а достаточно богатого семейства банкиров, переехавших в США. Цену, конечно, гнали, но я не стал придирается, оплатил английскими фунтами и был только рад. Клерк, получив мзду, обещал всё оформить к завтрашнему дню и укатил, а я, забрав ключи от особняка и ворот, стал более тщательно осматривать покупку.

Дом стоял не в тесноте улиц и имел хоть и небольшой, но всё же свой участок. Открыв въездные чугунные литые ворота, я прошёл по брусчатке до двухэтажного здания. Меня особенно умиляли декоративные башни по его бокам. Дом фасадом выходил в сторону улицы, то есть въездных ворот и калитки. За домом находился каменный флигель с тремя комнатами для

слуг, бывший дровяной сарай и небольшой пустырь. Раньше там были конюшни и каретный сарай, но из-за ветхости их снесли, как пояснил управляющий, который занимался с юристом семейства продажей особняка. У ограды с соседним участком находилась небольшая беседка в тени ухоженного яблоневого сада. Правда, листва уже облетала, осень, вон я в пальто кутаюсь, но вид вокруг был восхитительный.

Открыл парадную дверь особняка. Дом был холодным, но не замороженным. Он год назад подвергся серьёзному ремонту и модернизации, имел паровое отопление, котельную в подвале, три санузла, ванны, можно сказать, роскошные. В общем, впечатляло. На первом этаже помимо холла с большой лестницей, поддерживаемой белоснежными колоннами, с левой стороны были кухня и столовая зала, именно зала. С правой – банкетный зал, библиотека и кабинет хозяина дома. Библиотеку не вывозили, как и обстановку кабинета. В одном из помещений была оборудована перекрестная бильярдная на два стола. Я поднял чехлы и осмотрел столы. Новенькие, не сильно побитые. Шары и кии – в стойках и ящиках шкафов. Всё в чехлах. За лестницей были разные бытовые помещения и спуск в подвал. Из кабинета и кухни были выходы на задний двор, тоже имеющий мощёную дорожку.

На втором этаже было шесть спален, два санузла и два выхода на два балкона, оба тоже со стороны заднего двора. С балконов открывался отличный вид на Сену. В принципе, вот и всё. Как я уже говорил, особняк не такой и большой. Он был качественно законсервирован, вся мебель в доме была покрыта чехлами, поэтому я надеялся, что за то время, что буду отсутствовать во Франции, с ним ничего не случится. Правда, долго дом держать нежилым не стоит, всё же нужно чаще бывать в нём. В ближайшее же время в доме жить я не планировал, так что нанимать слуг не буду.

Из всего осмотренного меня больше всего заинтересовали пустой дровяной сарай и подвал особняка. Последний был частично переделан в жилой. Кроме котельной там было три помещения, и, что примечательно, они все закрывались на замок. Другого желать мне и не стоило. Кстати, пока изучал котельную, определил, что отопление осуществляется не дровами: в обитом жёстью ящике был уголь. Небольшой запас. На неделю топки хватит. Над ящиком был люк, через который, похоже, и подавали привезённый уголь.

Заперев особняк и ворота, я направился по улице, выискивая извозчика. Нашёл не сразу, раздражённо подумав, что нужно нанять на пару дней экипаж, чтобы не искать его постоянно. В общем, проехав в порт, я договорился с бригадой грузчиков и возниц тяжёлых повозок. Их использовали для перевозки тяжёлых и крупногабаритных грузов. Тут несколько судов разгружалось, так что люди были в работе, но шесть повозок и семь грузчиков выделить мне смогли. За раз, естественно, вывезти всё было невозможно, поэтому, забрав треть, мы покатали колонной в сторону моего особняка, я на наёмной коляске двигался впереди. Извозчик был не прочь подкалымить, тем более платил я щедро, так что проблема с личным транспортом на время пребывания в Париже была решена.

Открыв ворота, я запустил на территорию особняка повозки с грузом. Дальше работали как на конвейере. По очереди к дверям чёрного входа подъезжали повозки, и грузчики переносили часть вещей в дровяной сарай, а часть спускали в подвал. Два ящика, с едва заметными метками, я при них открыл, достав где настенное зеркало, где туалетный стульчик. Все бочонки с вином были отправлены в винный погребок в подвале. Управляющий сказал, что хозяева всё вино забрали. А тут есть чем заставить погребок. После второго рейса стемнело, и остаток ящиков и бочонков мы решили перевезти завтра. За сегодняшний день я уже расплатился, поэтому направился в небольшой отель, где снял комнату до следующего дня.

На следующее утро мы продолжили перевозки и закончили их к десяти часам дня. Потом я поехал в старейший банк Парижа, где открыл два счёта на своё имя, на один положил сто тысяч франков, на другой – сто десять тысяч фунтов. Более того, арендовал две ячейки и

перевёз часть золота в них. Как НЗ. Времени возиться с разбором трофеев в подвале не было, мне нужно было возвращаться в Лондон, поэтому, получив на руки документы на дом, я снова проехал к особняку. Там договорился с управляющим соседнего особняка (своего держать на постоянной службе во время моего отсутствия я не хотел, лучше так, приглядом): за полную зарплату тот будет присматривать за моим домом. Зарплата будет ему идти с моего счёта. А вот охрану возложил на охранника особняка с другой стороны, владел им отставной полковник пехоты, да и охранник был ветеран, солдат в отставке. Обоих я попросил присматривать друг за другом. У охранника были ключи от ворот, у управляющего – от дома. Ключей от помещения, где были сложены ящики с добычей, никому не давал, а в дровяной сарай убирала ящики с мебелью, то есть пустышки. Кстати, я попросил управляющего распродать мебель из ящиков, десять процентов его. Охраннику платить будут также с моего счёта. Своих счетов у них не было, поэтому будут ходить раз в месяц в банк за зарплатой.

С соседями я, естественно, также познакомился. Полковника дома не было, в отъезде находился, на охоте, но его жена, милая пожилая особа, приветливо встретила меня, узнав, что я их новый сосед. Второй был банкиром. У обоих соседей я спросил разрешения задействовать их людей, те были не против подработок слуг, тем более особой работы не было, присматривать за домом, и всё.

Этим же вечером я отбыл по железной дороге в Гавр. Когда отходит поезд, мне сообщил нанятый мной на эти два дня извозчик. Скатался и узнал расписание. Поздно ночью я был на месте, а оттуда на ночном пакетботе отплыл в Англию. Правда, не в Лондон, в другой город, но недалеко. Не думайте, что это так просто: приехал, нашёл и дальше отправился. Тут в большей степени везение играло роль, суда ведь не по расписанию ходят. Побегать пришлось, поискать.

Дилижанс в очередной раз тряхнуло, и я проснулся, широко зевая, прикрыв рот ладонью, и посматривая через окна, где мы. Выспаться я успел на судне, прибыли мы в Англию на рассвете, а там, в небольшом городке дождавшись отъезда маршрутного дилижанса, отправился в Лондон, да вот в дороге меня снова склонило в сон. Десять дней, отведённые мной на Англию, как раз заканчивались, так что пора закругляться. Большая часть спланированных операций выполнена, но осталось тоже немало, пора и их решать. Найдём местного пройдоху с широкими связями, который согласится поработать за большие деньги, даже очень большие, и можно отправляться.

Снаружи замелькали окраины Лондона, значит, прибыли. Да тут и ехать-то было чуть больше часа. Я же говорю, этот береговой городок был недалеко от столицы. Как только мы въехали в Лондон, я пересел в лёгкую городскую коляску и заехал сначала к себе на съёмную квартиру. Все поставленные метки были тронуты, видимо, хозяйка в моё отсутствие наведывалась. Я собрал вещи в чемоданы и покинул квартиру уже навсегда. В отеле меня ждали, Ен был в панике: Степан пропал. Второй день его нет. Пропал во время очередной прогулки, ходили на улицу красных фонарей. Вроде выбрали себе по женщине и предавались утехам, а когда в оговорённое время собрались, на месте появился только Игнат. Начали расспрашивать прислугу и хозяйку борделя, так они в один голос твердят, был, но ушёл. Ничего своим не передавал. По виду, такое впечатление, что работники борделя врут или запуганы. А может, и то и другое.

– Из отеля с того момента выходили? – коротко спросил я, мысленно прикидывая, что делать дальше.

– Нет, здесь ждём Степана и вас.

– Ясно. Игнат, вооружись из наших запасов, охраняй багаж, Ен тебя подстрахует. А я прогуляюсь к этому борделю. Дайте мне его точный адрес, а лучше нарисуйте схему подходов, чтобы я не ошибся.

– Может, мне подстраховать? – спросил Игнат, пробуя по руке «маузер».

Он успел со Степаном с ним потренироваться и знал, как им пользоваться. Но в деле пострелять ему пока ещё не доводилось. Кстати, основы проведённой мной модернизации я ему показал, поразив. Пистолет теперь мог стрелять очередями.

Правда, играл он с ним недолго, пистолет я забрал, выдав ему взамен армейский русский револьвер. Тот ему был куда привычнее.

– Не надо, – с кривой усмешкой ответил я. – Неприязнь с местными подлыми людишками у нас взаимная. Справляюсь, не волнуйся. Не в первый раз крушить их иду. Вам другой приказ: ровно через час забираете все вещи и съезжаете из отеля. Тем более и срок оплаты номеров подходит к концу. Направляетесь в порт, найдёте там почтовый пакетбот «Флоренция», он через три часа отправляется в Италию с заходом в пару портов Франции, покупаете билеты на две двухместные каюты и ждёте там нас. Или меня, это как повезёт.

– Мы не говорим на английском, – напомнил Игнат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.